

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ТЕМНАЯ СТОРОНА
ЗАКОНА**

20 ЛЕТ
ВМЕСТЕ
С ВАМИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Темная сторона
закона (сборник)
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6114198

Леонов Н. И. Темная сторона закона : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65824-4

Аннотация

В дом медицинского светила академика Водовозова ворвались неизвестные, аккуратно обшарили каждый сантиметр жилплощади и ушли, ничего не взяв. Хотя поживиться было чем: дом под завязку набит антиквариатом. Полковник Гуров взялся за расследование этого дела без особого энтузиазма: все-таки он – полковник-важняк, а не рядовой следователь, взломы и ограбления – не его профиль. Но уже через несколько дней его отношение к порученному заданию кардинально изменилось. Дело в том, что улики, собранные Гуровым, указывали на то, что в доме Водовозова работали не преступники, а представители какой-то секретной силовой структуры...

Содержание

Темная сторона закона	4
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Николай Леонов, Алексей Макеев Темная сторона закона (сборник)

Темная сторона закона

Март – месяц капризный и коварный. То солнышко ярко светит, сосульки по зиме слезы льют, и под ногами слякоть, а то прихватит ночью морозец, и утром тротуары и мостовые такие, что только успевай реагентом обрабатывать. Ну, а там, куда у коммунальщиков руки не дошли, земля как зеркало. А если ее еще и солнышком отполирует, то машину «Скорой помощи» можно прямо на этом месте и устанавливать для постоянного дежурства.

Вот такие невеселые мысли пришли в голову полковнику-важняку Льву Ивановичу Гурову, когда он утром выглянул в окно. Из-за низко нависших свинцово-серых туч не знаешь чего и ждать: то ли снега, то ли дождя, да и само бесприсветно пасмурное небо душу не радовало.

Настроение у Гурова соответствовало погоде, с ним он и прибыл в управление. Его многолетний верный друг и напар-

ник, полковник-важняк Станислав Васильевич Крячко, тоже от радости не сиял, но у него, плюс к скверной погоде, была для этого еще одна причина – ему предстояло отписываться за только что раскрытое ими дело, причем одному! А вот нечего было с Гуровым спорить! Лев сразу сказал, что труп не криминальный, это чистое самоубийство, хотя все было обставлено как положено, иначе родным покойного страховки не видать. Стас же уперся и твердил, что это убийство. Дошло до того, что поспорили. Выиграл, как всегда, Гуров, а Крячко теперь, гневно сопя, корпел над бумагами. При виде Льва он хмуро бросил:

– Тебя Петр уже искал, – и язвительно добавил: – Судя по тону, о чем-то попросить тебя хочет.

– О нет! Только не это! – воскликнул Гуров, но – куда деваться? – пошел к начальству.

Строго говоря, генерал-майор Петр Николаевич Орлов был для Гурова и Крячко начальником чисто номинальным, по штату, потому что дружили все трое с незапамятных лет и давно уже перестали считать, кто кому и сколько раз спину прикрывал, перед руководством выгораживал, переводя стрелки на себя, да и много чего другого было. Но вот просьбы Петра, касающиеся в основном служебных дел! Гуров уже давно заметил, что самые муторные и поганые следовали за невинной просьбой Петра, которого кто-то попросил по-дружески помочь, и начинались они с фразы: «Лева! Съезди, посмотри, что случилось. Разберись на месте – может, ничего

серьезного, а люди просто зря перепугались». А поскольку интуиция у Гурова всегда была на высоте, то он ни капли не сомневался в том, что и сейчас услышит нечто подобное. И – как там в известном мультфильме сказано? – предчувствия его не обманули!

Гуров вошел в кабинет Петра, поздоровался, как обычно, занял свое любимое место на подоконнике и спокойно посмотрел на Орлова, ожидая разъяснений, а тот крутился под его взглядом, как уж под вилами, тер и мял своими короткопалыми руками лицо, словно оно от этого могло стать симпатичнее, и упорно отказывался встречаться с Гуровым взглядом. Наконец, не выдержав молчания, он смущенно сказал:

– Лева! Ну, не мог я отказать Генке! Ты о нем от меня слышал, генерал-лейтенант Тимофеев Геннадий Григорьевич. Он не наш – армейский. Тут понимаешь, какое дело, его, скажем так, будущая жена сейчас на обследовании в больнице, а потом ей операцию на сердце должны делать, и он при ней неотлучно находится – там своя история. Она у него внучка, дочь и вдова академиков, да и сама доктор медицинских наук. Ты представляешь себе этот дом?

– Мини-Эрмитаж, – хмыкнул Гуров. – Ну, и чего у них увели?

– В том-то и дело, что ничего, – развел руками Петр. – Она живет вместе с домработницей, старой, проверенной и доверенной. Член семьи, короче говоря. Ее вчера дома не должно было быть, она случайно раньше времени вернулась.

Вошла, а там куча народу дом обыскивает.

– То есть искали что-то конкретное?

– Видимо, да. Подробности не знаю.

– Странно, что ее в живых оставили, – заметил Лев.

– Да вот оставили, но предупредили: если она хоть одной живой душе расскажет, что было, ей не жить.

– Но она все-таки позвонила хозяйке.

– Да не ей! Не хотела ее волновать! Генке она позвонила!

А тот – уже мне! – А дальше прозвучала фраза, которую Гуров ожидал услышать, едва вошел в кабинет: – Лева! Съезди, посмотри, что случилось. Разберись на месте – может, ничего серьезного, а люди просто зря перепугались.

С трудом сдержавшись, чтобы не расхохотаться в голос, Лев язвительно похихикал, взял листок с адресом и данными домработницы и вышел, провожаемый обещанием Петра немедленно связаться с Генкой, чтобы тот ее предупредил. А что? Делать Льву, тьфу-тьфу-тьфу, пока было нечего, а этот случай его заинтересовал.

Небольшой двухэтажный особнячок в одном из тихих переулков старой Москвы относился к тем, что в девятнадцатом веке строили для себя представители российской интеллигенции: врачи, адвокаты, писатели. Конечно, те, кто мог себе это позволить. Первый этаж был разделен надвое въездом для экипажей, справа гордо возвышалось под навесом на столбиках крыльцо парадного подъезда, а с другой сто-

роны, симметрично ему, был более скромный вход для прислуги, но, судя по наледи, им уже давно никто не пользовался. Некогда деревянные ворота сменили на металлические с электронным замком, дверь оборудовали видеодомофоном, на окнах не только первого, но и второго этажа имелись кованые решетки, два небольших, симпатичных балкончика тоже были обрешечены, так что на первый взгляд дом был защищен от всевозможных напастей. Рядом с входом на стене красовались мемориальные доски, гласившие, что в этом доме жили: профессор Марк Самуилович Абрамов и академики Давид Маркович Абрамов, Абрам Моисеевич Штейнберг и Семен Яковлевич Водовозов, но под этой фамилией в скобках значилась и настоящая – Вассерман. Гуров нажал на кнопку и стал ждать. Довольно долго никто не отвечал, и он подумал, что следовало бы предупредить о своем визите по телефону, даже собрался было уходить, когда наконец раздался раздраженный женский голос:

– Ну не могу я быстрее! Кто это?

– Я от Геннадия Григорьевича Тимофеева, – ответил Гуров.

– Удостоверение покажи! – потребовала женщина.

Лев помотал головой, но удостоверение достал, развернул его и поднес к экрану домофона, заметив при этом:

– Да что вы там разглядите-то?

– Уж фамилию как-нибудь разберу, – буркнула она. – Генка-то мне сказал, кто придет.

Дверь наконец-то открылась, и тут Гуров понял причину такой задержки – пожилая женщина самой обычной среднерусской внешности опиралась на костыль и палку.

– Простите, Дарья Федоровна, меня никто не предупредил, что вы больны, – извинился он. – Может, я в другой раз зайду?

– Вот именно, что больна! – выразительно проговорила она. – Причем на всю голову! Была бы здоровая, осталась бы целой! Проходи давай!

Гуров вошел, начал старательно вытирать ноги, но женщина на это только вздохнула:

– Не утруждайся, все равно уже натоптали! Тут вчера вечером кого только не было, и врачей привозили, и сами колготились! – Старательно заперев дверь на все замки, она повелительным тоном произнесла: – В кухню пошли! Тебя все равно чаем поить, а у меня нет сил все в столовую таскать.

– Не беспокойтесь, я и без чая обойдусь, – попытался отказать Гуров, но домработница решительно оборвала его:

– Ты, Лева, со мной не спорь! И покруче тебя мужики на такое не решаются! Раз в этом доме принято гостей чаем поить, так и ты выпьешь! Тем более что он у нас хороший! Настоящий! Не порошок в пакетиках!

Она поковыляла впереди, постанывая и охая, а Гуров – за ней, осматриваясь по дороге. А посмотреть было на что! Не дом, а настоящий филиал Третьяковки! Кухня была довольно большой и имела две двери – в коридор и столовую. Дарья

Федоровна наотрез отказалась от его помощи и, прислонив костыль с палкой к антикварному шкафу, занялась чаем, а Лев присел к столу.

– Там на столе под салфеткой пирожки, бери, не стесняйся, – предложила она. – За качество, правда, не отвечаю, не я пекла, а Верка – это Сонькина старшая. Одна она сейчас в России осталась, остальные девки в Америку съехали.

– А зовут их, наверное, Надежда и Любовь – мать ведь Софья, – сказал Гуров, беря пирожок, оказавшийся очень вкусным, о чем он тут же и сказал домработнице.

– Значит, научилась наконец-то, – буркнула та. – А насчет имен ты правильно понял, так их и зовут.

– Наверное, трудно вам одной такой большой дом в порядке содержать? – продолжил Гуров светскую беседу.

– Это когда мы всем кагалом здесь жили, маме приходилось крутиться, а как все разъехались и остались мы с Сонькой вдвоем, так теперь тут, считай, и делать-то нечего, тем более что вторая половина давно заперта.

– Извините, Дарья Федоровна, но что это вы о своей хозяйке так фамильярно?

– Так сестры же мы, – ответила она и, увидев изумленный взгляд Гурова, хмыкнула: – Смотри не подавись! Мы с ней молочные сестры! Мать моя ее выкормила, потому что родная-то родами умерла! Так что я в этом доме, как и она, с пеленок живу.

– Наверное, не раз ей предлагали его продать? Такой особ-

няк в центре Москвы дорого стоит, – заметил Лев.

– Да уж устали этих покупателей, как мух, гонять, – отмахнулась женщина. – У Соньки целая пачка визиток лежит. И каждый все уговаривал, все просил: если надумаете продавать, то позвоните, и я вам, сколько скажете, немедленно заплачу, хотите – наличными, хотите – на счет в банке. Это Сонька, когда Семка умер, а девки разбежались, слабинку дала, вот они в нее и вцепились. А потом подумали мы с ней и поняли, что ни в одну квартиру мы все это добро не вместим – веками же собиралось! Тут же что мебель, что посуда, – сплошной антиквариат. А библиотека? А картины? Репин, Шишкин, Серов, Айвазовский, Васнецов и все такое! А фарфор? А хрусталь?

– Наверное, Вера здесь потому и осталась, чтобы со временем все унаследовать?

– Не спрашивала, – сухо ответила домработница. – Это Сонькино дело, кому оставлять.

Но вот чай был налит, Дарья Федоровна, кряхтя, села за стол и, устроившись поудобнее, начала рассказывать:

– Как Сонька в больницу легла, я тут одна осталась. А вчера у Веркиного мужа день рождения был, вот она меня и попросила, чтобы я утром пришла и помогла ей все приготовить, а потом и на празднике посидела. И ведь хотела она Тольку за мной прислать, чтобы на машине привез, да я, дурища такая, отказалась. Прогуляться решила, дубина стое-росовая! Живут-то они недалеко. Ну, сдала я дом на пульт

и пошла. А на полпути навернулась во весь рост! Как ничего себе не сломала, сама удивляюсь! Хорошо, люди добрые подняли и до дому довели! Вошла я и тут же словно в тиски попала. Рот мне зажали, а мужик какой-то на ухо шепчет: «Бабка! Молчи! Не доводи меня до греха! Мы не воры и не грабители. Нам просто нужно найти здесь одну вещь, которая твоей хозяйке не принадлежит. Если поняла, кивни». Кивнула я, конечно, а сама думаю, что дом-то с охраны я не сняла, так что полиция мигом тут будет. Тогда он руку от моего рта отвел, а я ему говорю: «Сынок! Все я поняла, только если ты меня сию же минуту куда-нибудь не посадишь, грех на тебе все-таки будет! Упала я по дороге, потому и вернулась». Он меня, словно пушинку, на руки подхватил, в зал отнес и на диван посадил, а потом сумку мою проверил, сотовый забрал и говорит: «Бабка! Душевно тебя прошу, сиди смирно! Если увижу, что к телефону рванула или к окну, пеняй на себя!» Ну, а я ему в ответ: «Милочка! Это в твои годы, если со всей дури навернешься на льду, то вскочишь и дальше побежишь, а мне бы живой остаться». И тут... Нет, Лева, ты только подумай! Он меня еще и спрашивает: «Может, тебе лекарства какие нужны, так ты скажи, где они, я принесу». Я-то с виду вся спокойная, а внутри все дрожмя дрожит. Велела ему корвалол с кухни принести, так он и его принес, и чашку, и воду! Выпила я и сижу дальше. А они всю шуруют!

– Сколько их было?

– Пятеро.

– Внешность запомнили?

– Какая внешность, Лева! – всплеснула руками домработница и тут же застонала от резкого движения. – Все в масках, в перчатках, на ногах – бахилы! А одеты одинаково: в джинсы и водолазки.

– В марте? – удивился Гуров. – Значит, машина у них где-то поблизости была. Ну, а по фигуре? Как вы думаете, сколько им может быть лет?

– Не парни, но еще и не мужики, – подумав, ответила она. – Лет так тридцать, может, чуть больше. И фигуристые все такие, видно, что спортсмены.

– Ну, и что дальше? Полиция приехала?

– А вот и нет! И за что же это мы бешеные деньги каждый месяц платим, спрашивается?! А уж сколько стоило сигнализацию установить, я даже вспоминать боюсь! Ведь датчиками каждое окно, каждая дверь оборудована, и парадная, и «черная», и даже та, что во двор выходит!

– Дарья Федоровна, разрешите, я сигнализацию посмотрю, – попросил Гуров.

Она в ответ махнула рукой, и Лев, подойдя к окну, увидел, что сигнализация беспроводная, то есть для знающего человека заблокировать ее – как нечего делать! Вернувшись на место, он не выдержал и сказал:

– Надо было обычную ставить! Ну, попортили бы окна и стены, зато ее так просто не отключишь!

– Ничего, вот мужик в доме появится, пусть он этим и занимается! Много ты от двух баб захотел! Чтобы мы еще в таких вещах разбирались! – вздохнула она и стала рассказывать дальше: – И ведь до того все ловко делали, что я только диву давалась. Один шкаф осмотрели, к другому перешли, а по первому и не скажешь, что его вообще открывали! За картинами смотрели, за батареями, всю мебель перевернули и со всех сторон изучили! Все сиденья и подушки диванные длинными тонкими иглами протыкали! А тот, что меня схватил, видно, за старшего у них был. Сел он напротив меня и говорит: «Бабка! Тебе бы лечь да врача вызвать. И мы здесь надолго задерживаться не хотим. Помоги нам, и разойдемся по-хорошему». Согласилась я, и начал он мне вопросы задавать: когда в последний раз ремонт был, когда мебель передвигали, когда вторую половину дома заперли, какие комнаты жилые, а какие нет. А я ему и отвечаю, что ремонт последний еще при Давиде Марковиче был, тогда и мебель расставили, с тех пор ее не передвигали, кто же согласится эдакую тяжесть тягать? Вторую половину дома уж лет двадцать как заперли, а хозяйский кабинет – после смерти Семена Яковлевича. Да у нас из жилых-то комнат осталось только: кухня с ванной, столовая с залом, моя комната на первом этаже да Сонькина на втором. Разговариваем мы, а парни по-прежнему шуруют, за мебель фонариками посветили, снизу ее осмотрели, стремянки притащили и сверху тоже проверили.

– Что же Вера вас не хватилась? – удивился Гуров.

– К тому и веду! Разговариваем мы с ним неспешно, и тут у него в кармане мой сотовый зазвонил. Объяснила я ему, кто это, почему беспокоится, и, если я не отвечу, Верка сюда прибежит. И тут он... Ой, Лева! Разных я людей в жизни повидала, но таких! Достал он мой телефон, протягивает мне, а сам говорит, да таким голосом, что я от страха чуть не описалась: «Бабка! Ври, что хочешь, но чтобы здесь никого больше не было! Если тебе, конечно, ее жизнь дорога!» Честное слово, никогда в жизни мне не было так страшно! Сказала Верке, что простыла я, с вечера лекарств напилась, вот и заспалась! Так что прийти не смогу, а то еще заражу их всех, пусть она одна уж, без меня управляетя. Вернула ему телефон, а он мне на все это: «Спасибо, бабка! Не люблю я без нужды грех на душу брать!» – и дальше меня расспрашивать начал. Смотрю я, парни наверх по лестнице пошли, я им и крикнула вслед: «Только в библиотеку не суйтесь! Там же книги от пола до потолка не только вдоль стен, но еще и стеллажи стоят! Вы же там на год застрянете! Что же мне, по вашей милости, здесь все это время не срамши, не жрамши сидеть?» Они на меня – ноль внимания. А потом парень этот – видно, переговаривались они между собой как-то, меня спрашивает, что в сейфе. И тут меня словно током ударило! Там же не только архив семейный, но и документы на дом да на весь антиквариат, а вот драгоценностей нет – они в банке, в ячейке хранятся, так что хоть за них мне волно-

ваться не пришлось. Вот тут уж я взбеленилась! Обложила его матом с ног до головы и кричу: «Что ж ты, гад, мне говорил, что за чужой вещью пришел? Тебе же документы на дом нужны! А ну говори, кто тебя подослал? Кто решил не мытьем, так катаньем им завладеть? Не получилось купить, так он вас подослал!» Парень даже растерялся, а потом говорит: «Бабка! Остынь! Зачем нам ваши документы? Я тебе русским языком сказал, за чужим мы пришли! Не тронем мы ваши бумаги!» Я еще похихикала, что шиш они этот сейф откроют, а он меня совершенно серьезно заверил, что и не такие открывали. Вот я и потребовала, чтобы если уж открывают, то только в моем присутствии. И что ты думаешь? Отволок он меня к Соньке в комнату, как миленький! При мне сейф открыли! Чтоб у них, паразитов, руки отсохли! Все бумаги с фотографиями аккуратненько просмотрели, а парень меня еще спрашивает, не хочу ли я узнать, что моя хозяйка в завещании написала?

Буркнула я ему в ответ, что на все ее воля, а в свое время я и сама об этом узнаю, если переживу ее, конечно. Так они все обратно в том же порядке сложили и сейф снова закрыли. Парень меня вниз отнес, а остальные там же продолжали возиться. Я напрямик и спрашиваю его: «Ты мне скажи, что ищешь! Может, я знаю! Если говоришь, что это не наше, то и забирайте это, к чертовой матери!» Помялся он, подумал, а потом говорит: «Бабка! Ты случайно не знаешь, твоей хозяйке никто из ее друзей или знакомых ничего на

сохранение не оставляял?» Тут я не выдержала и расхохоталась! Больно было смеяться, а остановиться не могу. Хохоочу как ненормальная. Он на меня смотрит и ничего не понимает. Успокоилась немного и спрашиваю: «Милочка! Ты, прежде чем в этот дом войти, доски мемориальные на стене прочитал? Мы же евреи! Сталиным шуганные! Советской властью пуганные! Да никто из нас никогда в жизни ни от кого ничего на сохранение не возьмет! А если это антисоветчина какая? Или, по нынешним временам, взрывчатка или наркотики?»

– Ну, вы-то не еврейка! – заметил Гуров.

– А воспитывал меня кто? – возразила ему она. – Абрам Моисеевич! Он нас с Сонькой вот с таких лет, – она показала на метр от пола, – учил, что евреев считают всегда во всем виноватыми, поэтому повода лишнего никому давать нельзя! Нужно двадцать раз подумать, прежде чем что-то сказать или сделать!

– Поверил он вам? – спросил Лев.

– Не знаю, – осторожно пожала она плечами. – Спросил только, а не мог ли кто-нибудь что-то незаметно от нас в доме спрятать? Ну, я и объяснила ему, что гости у нас уже много лет одни и те же, новых нет. И в доме они бывают только в столовой и зале, ну и ванной, само собой. Они и в кухню-то не заходят – не по чину им.

– И долго они здесь шуровали?

– К вечеру управились. И вторую половину дома всю облазили, и комнаты нежилые, и ванную с кухней тоже! Меня,

кстати, парень этот так на руках в туалет и носил! – рассмеялась домработница, но, тут же став серьезной, добавила: – А на прощанье он меня предупредил: «Бабка! Мы здесь ничего не украли и не сломали. Как видишь, все оставили, как было. Так что считай, что нас здесь вовсе не было. Если хоть кому-нибудь о нас скажешь, ты нам все дело завалишь, и тогда пеняй на себя – я тебя предупреждал!» И ушли они, а я на диване сидеть осталась, все ждала, когда дверь хлопнет, чтобы уж окончательно поверить, что жива осталась. Хлопнула она, да не парадная, а та, что во двор выходит! А потом услышала я, как ворота наши скрипят – ими же давно никто не пользовался. Тут уж я, про все болячки забыв, птицей к окну метнулась, но увидела только, как белая «Газель» из нашего двора выехала, грязью почти по крышу замызганная, в том числе и номер. Вот тебе, Лева, и весь сказ!

– Так зачем же вы Геннадию Григорьевичу позвонили?

– Будь я здорова, обегала бы все комнаты и проверила, все ли на месте, но я же шагу сделать не могла! А если кто из них себе в карман чего сунул? Здесь же каждая финтифлюшка бешеных денег стоит! Вот я и рассказала Генке, что случилось, чтобы, в случае чего, он в курсе был. Только потом уже Верке позвонила и соврала, что у меня голова закружилась и я в доме упала. Тут уж они, несмотря на праздник, все прискакали. И сами меня осмотрели – все же врачи, а потом «Скорую» вызвали и на рентген отвезли – сам-то выпивши был. А как выяснилось, что переломов и трещин нет, так я

их догуливать отравила. Хотели они меня к себе забрать, да я отказалась – на кого дом брошу?

– Ничего не пропало?

– На первом этаже все на месте, а вот на второй я подняться не смогла. И вот что я тебе, Лева, скажу: если бы я, как и собиралась, вечером домой вернулась, то ведь и не поняла бы, что здесь кто-то побывал. Ни единого следочка не оставили!

– Дарья Федоровна, как вам показалось, что они искали?

– Я так думаю, что бумаги какие-то, не драгоценности. Суди сам: цветов полон дом, а землю ни в одном из горшков не проверили. С металлоискателем не ходили. Стены не простукивали. Те полки, где статуэтки и все такое, не тронули. А вот те, где тряпки всякие, альбомы и папки разные, – перерыли. Не постеснялись, паразиты, даже мой пакет со «смертным» посмотреть!

– Перечислите мне знакомых и друзей вашей хозяйки, которые к ней в гости ходят, – попросил Гуров. – Может, причину нужно искать среди этих людей.

Домработница начала называть фамилии, но эти люди, как и их предки, на протяжении многих десятилетий составляли цвет российской науки и культуры. Когда она закончила, Лев усмехнулся:

– А почтальон у вас бывает?

– А-а-а! Вон ты о чем! – покивала она. – Тут ты прав! На нас же внимания никто не обращает!

Оказалось, что парикмахерша приходит раз месяц, чтобы их подстричь и покрасить, маникюрша и педикюрша – еженедельно, но им всем ходу дальше ванной нет – там работают. Портниха и домашний врач, профессор-кардиолог Потапов – по потребности, а адвокат появляется только два раза в год: на 8 Марта и день рождения, но с гостями за одним столом не сидит, а наведывается утром с букетом, к хозяйской ручке приложится, чаю с ней попьет и уезжает.

Гуров сидел, задумавшись, и смотрел в окно, а потом начал рассуждать вслух:

– Этот парень сказал «чужое». Но он мог это сделать, чтобы вас запутать, тем более что они и закрытую вторую половину дома обыскали, и нежилые комнаты. К тому же непонятно, когда это «чужое» в ваш дом попало – спрятать-то могли и сами хозяева, но очень давно. Дом-то старый! Может, здесь тайник какой есть и хозяева во время революции ценности там спрятали? Или кто-то из тех, кого сюда потом подселили.

– Да брось ты! – отмахнулась домработница. – Дом действительно старый, только чужие здесь никогда не жили. Не уплотняли их. В этом роду все испокон веков врачами были, с практиками богатейшими, потому и смогли все эти коллекции собрать. Во-первых, до революции тут был полон дом прислуги – на первом этаже во второй половине, куда «черная» дверь ведет, жили. А во-вторых, кто правительству и чекистам хрены их, прости господи на черном слове, чинил

и от разной заразы лечил? Или ты думаешь, они все были такими святыми, как мы в учебниках читали? Блудили все беспощадно! Так что Абрамовы от безделья не маялись! Вот их не трогали!

– А не мог в их руки попасть какой-то документ? Например, во время революции или войны?

– Ну, ты сказал! Старика-то к началу войны уже в живых не было, а Давид всю войну оперировал. И в Москве, и на фронт вылетал, и в Ленинград блокадный! Только до документов чужих ему и было! А Белла всю войну здесь с детьми провела, в эвакуацию не поехала – я так думаю, что и за добро их боялась, да и за мужа тоже, потому что многие себе во время войны новых жен из медсестер подобрали. Только из всех детей одна Катенька выжила, а остальных грипп скосил, да и она слабенькая после этого была. На ней-то потом Абрам Моисеевич и женился – он с Давидом во время войны познакомился и подружился, тоже хирургом был.

– А этот не мог во что-то такое ввязаться?

– Бог с тобой! Вот уж кто был жизнью зашуганный, так это он. Каждого шороха боялся! У него же всю родню в Белоруссии фашисты убили. Он войну полковником медицинской службы закончил и к Абрамовым с одним чемоданом приехал – больше некуда ему деваться было. Красивый был! Волосы густые, пышные и как смоль черные, а глаза голубые, и нос прямой. Высокий, стройный! Тридцать пять ему тогда было. Только вот недолго Катенька, Сонькина мать, счастью

своему радовалась, – вздохнула домработница. – Умерла родами в 50-м.

– А что потом в этом доме было?

– Ну, тогда я с матери своей начну. Она у меня из подмосковной деревни, тоже всех в войну потеряла. Потом детдом, ПТУ, завод, общежитие. Она в молодости очень красивая была, я не в нее пошла, вот и соблазнил ее, совсем молоденькую, подлец какой-то да сбежал. Она с Катенькой в одном роддоме лежала, а Абраму Моисеевичу кормилица для Соньки нужна была, вот ему кто-то про нее и рассказал. Пообещал он, если она Соньку выкормит, он ей потом и с работой, и с жильем поможет, и она с радостью согласилась – куда ей было со мной на руках деваться? Так мы с ней здесь и появились. Белла суровая старуха была, как коршун, за мамой следила – у нее же от всех детей только одна Сонька и осталась. А еще мудрая, очень хорошо все наперед рассчитала. Когда мама Абраму Моисеевичу про его обещание напонила, Белла ей и сказала: «Куда ты пойдешь? Одна, с ребенком незаконнорожденным? И главное, зачем? Оставайся здесь навсегда. Чем тебе тут плохо? Вы с дочкой сыты, одеты, обуты, живете на всем готовом. Как числилась санитаркой в госпитале, так и будешь. Станешь по дому помогать, за детьми следить». Вот мы и остались.

– Да, действительно мудрая женщина, – согласился Лев. – Видно, она очень боялась, что Абрам Моисеевич снова женится и у ее внучки появится мачеха. Потом пойдут уже их

общие дети, и Софья окажется обделенной. А так, зачем ему кого-то искать, если рядом молодая красивая женщина, которая к тому же своей грудью Софью выкормила, а значит, никогда не причинит ей зла?

– Вот-вот! Правильно ты понял. Сошлись они потом, но в одной комнате никогда не жили – мама к нему ночью ходила, а потом обратно возвращалась. И звала только по имени-отчеству и на «вы». Но ни она, ни он никогда между мной и Сонькой разницы не делали, Белла тоже ровно ко мне относилась – понимала, что, если меня притеснять начнет, мама ведь и уйти может. Мы с Сонькой как сестры были, в одном классе учились, за одной партой все годы просидели. Сонька с детства знала, что мама ей не родная, а я – что Абрам Моисеевич мне не папа, я его, как и мама, звала. Нам по двенадцать было, когда Белла умерла. С Абрама Моисеевича она клятву взяла, что не женится он никогда, а с мамы моей – что не оставит она ни его, ни Соньку. И все это при нас, чтобы мы тоже знали. А через два года Давид Маркович вслед за ней ушел, и остались мы в этом доме вчетвером. Тут Абрам Моисеевич стал себя посвободнее чувствовать, в театры ходил, в гости. Может, и были у него какие-то женщины на стороне, но здесь они не появлялись ни разу. Закончили мы школу: Сонька – с золотой медалью, а я – на одни тройки. Она в медицинский поступила – куда же ей еще? А я на повара учиться пошла – Абрам Моисеевич посоветовал, потому что эта профессия во все времена востребована.

– Все правильно! И сами сыты будете, и родных накормите. Те, кто пережил войну, это очень хорошо понимают.

– Вот и он так сказал. Потом устроил меня в «Прагу». Я вскоре замуж выскочила, а у нас с мамой к тому времени уже своя двухкомнатная «хрущевка» была, а в ней все, что надо, – Абрам Моисеевич постарался. Понимал он, что мне со временем свой угол потребуется. Только развелась я быстро – видно, дурная наследственность мне от отца перешла. Сюда я не вернулась, а там осталась. Весело жила! Вот и довелись до того, что детей уже иметь не могла. А мама моя так в этом доме и жила. Сонька в 76-м кандидатскую защитила и замуж за Семку вышла, в 77-м – Веру родила, потом Надьку, а там и Любку. Сонька с Семкой работали да наукой занимались, а мама моя их детей растила и дом вела. В 98-м Абрам Моисеевич слег и на руках у мамы умер, она и глаза ему закрыла. А когда нотариус завещание огласил, был скандал. Дом и прочее имущество, естественно, Соньке отошло, а вот вклады с двух своих счетов Абрам Моисеевич оставил своей жене, то есть моей маме. Тут-то все и ахнули! В том числе и я – она даже мне не сказала, что они в 93-м тайком расписались. И я поняла, почему она попросила меня прийти – знала, что начнется, вот и побоялась одна в такой момент оставаться.

– 98-й год! Дефолт! – покачал головой Гуров.

– Это были валютные счета, куда приходили деньги за его публикации за рубежом, – объяснила домработница. – Аб-

рам Моисеевич умница был редкостный! Все предвидел, потому и завещал валюту, а не рубли. Ох, Сонька и взбесилась! Вообще-то она в бабку пошла. Такая же строгая, требовательная, сдержанная, но уж если прорвет, тут только держись! Орала как резаная! Мама пыталась ей объяснить, что Абрам Моисеевич сам предложил ей выйти за него замуж, потому что хотел таким образом отблагодарить за все, что она для их семьи сделала, чтобы она за него пенсию получать могла. А не говорили они ничего никому для того, чтобы пересудов не было. Сонька надрывалась, что ее отец клятву нарушил, что у нее, оказывается, пять лет прислуга в мачехах была! Что он честь семьи опозорил! Что теперь над ней все смеяться будут! Вдова академика Штейнберга – безграмотная деревенская баба!

– По-моему, она погорячилась!

– Да не то слово! Тем более что мама к тому времени не только школу вечернюю закончила, но и заочно институт культуры. И не меньше, чем половину библиотеки здешней прочитала. А тогда мама моя побледнела как мел и ответила ей: «Я тебя своей грудью вскормила. Когда ты болела, ночей возле тебя не спала. К тебе, как к родной, относилась. Дочерей твоих вырастила, как собственных внучек. А оказывается, все эти годы я была для тебя просто прислугой! Спасибо тебе! Не ожидала, что так отблагодаришь меня за мою любовь и заботу! Ноги моей в этом доме больше не будет!» И пошла вещи собирать, а Сонька, дура, ей вслед крикнула:

«Тебе за это деньги платили!» Мама даже не обернулась, а просто бросила через плечо: «А ты попробуй купить любовь в другом месте. Может, дешевле обойдется!» Посмотрела я на сестрицу свою молочную, плюнула и вслед за мамой ушла.

– И после всего этого вы сюда вернулись?! – воскликнул Лев.

– Пожалела дуру, – буркнула Дарья Федоровна. – Мы тогда с мамой вместе жить стали. Она пенсию за Абрама Моисеевича себе оформила – ох и большая же она получилась! А потом еще и валюта в банке. Привела она себя в порядок, приделась и стала жить для себя. И за границу ездила, и в санаториях Академии наук отдыхала, где у нее, между прочим, даже ухажеры были. Она ведь еще женщина интересная была, начитанная, в искусстве и музыке разбиралась – не среди дураков же необразованных всю жизнь прожила. Я тоже не бедствовала, жила в свое удовольствие. А потом Сонька появилась, загнанная, измученная, издерганная, и начала на жизнь жаловаться: что в доме кавардак, потому что там никто ничего сделать не успевает, а если и пытается, то руки не оттуда растут, и все еще хуже становится, что деньги непонятно куда деваются, что питаются они черт-те как. Они с Семкой действительно к реальной жизни совершенно не приспособлены. В общем, полная катастрофа по всем пунктам. Мама к ней даже не вышла, так Сонька стала через дверь умолять ее вернуться, плакала, прощения просила, говорила, что сама себя прокляла за те слова, только что на коленях

не стояла. А мама ей через дверь же ответила, что вдова академика Штейнберга прислугой быть не может по определению, а после Сонькиных слов былой любви к ней и ее дочкам у нее уже не осталось, потому что даже девчонки, которых она с пеленок вырастила, ни одна за нее не заступилась, так что бабушкой, как раньше, она им быть не может. Поняла Сонька, что мама ее никогда не простит, и опять начала мне рыдать, что наняли бы они домработницу, но ведь опасно в такое страшное время чужого человека в дом пускать, может грабителей навести, хорошо, если сами они в живых останутся. А Верка, дурища, которая тогда еще в первом «меде» училась, по залету замуж выскочила и дочку Ирку родила, да только уже развестись успела и обратно домой вернулась. Вот на это-то я купилась – уж очень мне захотелось с малышом повозиться, пусть и не со своим. Мама против была, но я все для себя решила. Ушла с работы, перебралась сюда, а тут! Испаскудили дом так, что плюнуть противно! И стала тут свои порядки устанавливать! Всех работать заставила! Гоняла беспощадно! Если что не по мне, тут же заявляла: «Я вас не устраиваю? Все! Разговор окончен! И можете не провожать, я знаю, где выход!»

– Да-а-а! Строили вы их всех тут безжалостно! – рассмеялся Лев.

– А я не моя мама! Ездить на себе никому не позволю! Девки брыкаться попробовали, так у меня рука тяжелая, не посмотрю, что переходный возраст или трепетная юность,

такой подзатыльник отвешу, что долго в ушах звенеть будет. В общем, довела я дом до ума, на рельсы поставила, и поехали мы все дальше. Нормально жили. Верка потом второй раз замуж вышла и к Тольке жить ушла. Серьезный человек, тоже врач, постарше ее будет, сейчас уже двое своих у них, но Ирку он никогда не обижал. Надька замуж вышла и тоже отсюда ушла. Но не за врача – он по компьютерам специалист, толковый парень. Одна Любка здесь с нами осталась. Потом Семка умер.

– А от чего? Он ведь еще не старый был. – Домработница поджала губы и отвернулась. – Дарья Федоровна! Раз пошла такая пьянка...

– Да чего уж! – вздохнула она. – В общем, ты уже понял, что Сонька – баба властная, требовательная, девчонок в ежовых рукавицах держала. А Семка подкаблучником всю жизнь был, но дочки его больше любили, потому что он мягче, добрее, играл с ними, возился.

– Потому и ушли отсюда к мужьям, чтобы из-под материнской власти вырваться?

– Правильно понял. В гости забегали частенько, чтобы вкусенького поесть, но жить тут ни одна не захотела, хотя места на роту хватило бы. А тут задурила Семке голову какая-то девка. Не знаю, то ли действительно любовь – он ведь мужик веселый был и не урод, то ли раскатала губенки на дом, коллекции и все остальное, думала, что при разводе все поровну делиться будет. Но если второе, то зря, потому

что все это – Сонькино имущество и в наследство получено. И вот Семка заявил ей, что подает на развод, потому что любовь свою большую встретил, а девушка эта беременна и обязательно долгожданного сына ему родит. Видно, действительно он ее полюбил, раз Соньки не побоялся. Она была в ярости! Ну, гулял бы себе потихоньку, а разводиться-то зачем? Любви между ними никогда особой не было, но ведь столько лет вместе прожили! Поговорила она с подругами, и Тонька прислала ей своего адвоката, который в свое время помог ей при разводе у мужа все отсудить.

– Он теперь с визитами два раза в год приезжает? – уточнил Лев.

– Ну да! Овчинников Владимир Николаевич. С виду – холеный, вальяжный, голос бархатный! Но прохвост, каких мало!

– Адвокату другим быть не положено, иначе ничего не добьется, – усмехнулся Гуров. – Только что-то я среди адвокатов первого эшелона такого не знаю.

– Тебе виднее! – отмахнулась она. – Поговорил он с Сонькой и пообещал с разлучницей разобраться, а мужа назад в семью вернуть. Что уж он сделал, не знаю, но действительно вернул, а та девка из Москвы сбежала, даже адреса не оставила. А Семка сломался! Ходил пришибленный, словно побитая собака с больными глазами. Девки отца сразу простили, а вот Сонька – нет! Он у нее прощения просит, а она его в упор не видит и все упирает на то, что он чуть не опозорил

всю семью. Вот и довела его до инфаркта! О чем они говорили, не знаю, только вдруг она дурным голосом заорала: «Сема! Что с тобой?» Прибежали мы с Любкой, он на полу лежит, а она – в кресле сидит и за сердце держится. Не спасли его! – вздохнула домработница. – А у Соньки с тех пор серьезные проблемы с сердцем начались. А как же им было не начаться, если все девки в один голос ей заявили, что это она их отца убила? Они ведь его очень любили! Все грехи Соньке припомнили, и то, что она бабушку, как они мою маму называли, обидела! Верка с тех пор сюда только по большим праздникам наведываться стала, а Надька с Фимой, с которым после похорон отца Любка жить ушла, стали в Америку собираться. Давно его туда сманивали – уж очень ценный он специалист, оказывается, да вот только Надька все сомневалась, ехать или нет, а он во всем ее слушается. А уж после такого и она решилась! Как уж Фима договаривался, не знаю, но Любку они взяли с собой. Попрощаться, правда, зашли, но в аэропорт просили с ними не ездить. Когда они ушли, Сонька мне сказала, что я одна ее не бросила. А я ей: «Куда же мы с тобой друг от друга денемся? Как выросли вместе, так и стариться вместе будем!» С праздниками ее девки, конечно, поздравляют, но и все! Могла бы Сонька еще научной работой заниматься, преподавать, да вот только не хочет она уже ничего.

– Ваша мама ее так и не простила?

– Она о Соньке даже слышать не хочет. Девки-то к ней на

поклон ездили, объяснили, что матери они побоялись, вот и не вступились тогда за нее. Так что на них она зла не держит. Верка и сейчас к ней шмыгает.

– Ваша мама еще жива?

– Живехонька! И, ты только не смейся, за академиком Шестопаловым замужем. В санатории они познакомились, сошлись, а потом и расписались. Живут душа в душу. Кстати, вот они-то с Фимиными родителями и Веркой с Толькой Надьку с Любкой в аэропорту и провожали! Верка говорила: слез было! Мама все просила девок хоть на похороны ее приехать. Между прочим, Сонька с Генкой тоже в санатории встретились, и она вроде немного ожила. Интерес к жизни появился. Здоровьем своим занялась, поняла, что не все для нее закончено. Дай-то бог! Может, еще все и наладится! И Верка сердцем смягчится, и Надька с Любкой обратно вернутся.

– Не хочу вас расстраивать, но что-то не приходилось мне слышать, чтобы из Америки обратно в Россию ценные специалисты возвращались, – заметил Лев. – А что собой представляют мужья Сониных дочерей?

– Тебя ведь интересуется, были они здесь или нет? – спросила она. – Ну, первый Веркин – пустельга, но красивый, Ирка, кстати, в него пошла. В квартире его бабки они жили, а сюда его Сонька и на порог бы не пустила – не верила ему, только из-за беременности Веркиной на этот брак согласилась. Так что если и был, то только в гостях, и всего пару раз. Второй

у нее – Толька Аронсон, гинеколог, своя клиника у него. С характером человек, но под Веркину дудку пляшет, так что только в гости приходили, и все! Да и квартира у него своя большая. У Надьки муж – Фима Гольдберг. Родители – заслуженные врачи, в Москве известные, а он вот по их стопам не пошел. Ну, что о нем сказать? У него в башке одни программы да компьютеры, ничем больше не интересуется. В гости они, конечно, приходили, только он как сядет за стол, так смотреть противно: думает о чем-то непонятном, а сам не замечает, что ест, вот и старайся после этого. А Любка своих парней сюда не водила – мать запретила. Молодежь нынче ушлая пошла, еще сопрут чего-нибудь! А под замок здесь никто никогда ничего не прятал. Все!

– То есть никто из этих мужчин ничего тут спрятать бы не мог? – спросил Лев, и домработница кивнула.

Гуров задумался: то, что «ниндзюки» не оставили в доме никаких следов своего пребывания, говорило о том, что поработали специалисты экстра-класса, услуги которых стоят столько, что количество нулей теряется в далеком далеке, и просто так этих профи не нанимают. Что же в этом доме могло быть спрятано такое, что его находка с лихвой окупала любые затраты? Что это за бумаги? Лев вдруг понял, что совершил колоссальную ошибку, не включив антипрослушку. Эти люди, конечно, предупредили «бабку», чтобы она никому ничего не говорила, но не могли это не проконтролировать и наверняка установили где-то «жучок». Таким

образом, они уже в курсе не только того, что она позвонила Геннадию Григорьевичу, но и слышали все, что она рассказала Гурову. Нужно было как-то, причем немедленно, обезопасить домработницу. Поскольку к Вере она категорически отказалась уйти еще вчера, чтобы не бросать дом без присмотра, Лев нашел другой выход из положения и попросил:

– Соедините меня с Геннадием Григорьевичем.

– Да вот тебе его номер, – достала свой сотовый домработница и, найдя нужный номер, протянула телефон Льву.

Гуров со своего телефона позвонил Тимофееву и, когда тот ответил, сказал:

– Геннадий Григорьевич! Это полковник Гуров...

Но тот не дал ему продолжить и рывкнул:

– Господин генерал-лейтенант!

Лев на это только поморщился, потому что обеими ногами наступил на те же грабли, на которых обычно «танцевали» другие – он и сам вот так же обрывал, бывало, собеседника, требуя, чтобы к нему обращались «господин полковник».

– Хорошо, – нехотя согласился он. – Господин генерал-лейтенант!

Но тут уже вмешалась Дарья Федоровна. Она властным движением выхватила у Гурова телефон и рывкнула в него не хуже генерала:

– Генка! Пень старый! Ты, твою мать, чего выкаблучиваться вздумал? Человек пришел с дорогой душой нам доброе дело сделать, а из тебя дерьмо поперло! Ты свой гонор око-

роти! Ты Соньке еще не муж! А если так себя вести будешь, то и не станешь никогда! Не хватало, чтобы ты еще меня, старую, заставил по дому строевым шагом ходить! Это ты когда-то был генерал, а теперь пенсионер! А он настоящий полковник! Вот и говори с ним уважительно! Иначе я тебя в следующий раз с крыльца спущу! Все ступеньки пересчитаешь!

Лев слушал ее и едва удерживался от того, чтобы не рассмеяться – вот такого начальственного разгона, причем не от министра обороны, а от домработницы, Тимофеев никак не ожидал. А может, и ожидал, потому что уже успел с ней познакомиться, да вот только не предусмотрел, что Гуров может при ней разговаривать. Дарья Федоровна вернула Льву телефон, и тот уже из чистой вредности сказал:

– Господин генерал-лейтенант!

Но Тимофеев опять его перебил, буркнув:

– Да ладно тебе! Ты по отчеству случайно не Иванович?

– Сын! – кратко ответил Лев, хорошо зная, что за первым вопросом непременно последует второй: а не сын ли он генерал-лейтенанта Гурова.

– Так, значит, я тебя еще мальчишкой помню, – обрадовался Геннадий Григорьевич. – Мы же с твоим отцом одно время вместе служили! Шустрый ты был, сообразительный!

– Говорят, и сейчас не дурак, – хмыкнул Лев и предложил: – Давайте к делу! Я выслушал Дарью Федоровну, все выяснил и пришел к выводу, что сюда пришли по ошибке. –

Тут Дарья Федоровна вскинулась и возмущенно уставилась на него, но Лев так многозначительно посмотрел на нее, что она замерла, а потом понятливо покивала. – Как мы выяснили, в доме ничего не пропало и ничего не сломано, то есть ущерб никакой не нанесен. Следов взлома или какого-либо присутствия в доме посторонних лиц не обнаружено, поэтому даже незаконное проникновение сюда пристегнуть никак нельзя. Дарья Федоровна, слава богу, жива и здорова. Таким образом, искать этих людей нет никаких оснований, да и без толку, только время зря потратим. С таким же успехом можно ловить ветер в поле – это профессионалы наивысшей квалификации. Господин генерал-лейтенант, вы никому не говорили о том, что вам вчера рассказала Дарья Федоровна? Наш общий знакомый не в счет.

– Язва ты, Лева! – недовольным голосом отозвался тот. – Мог бы и по имени-отчеству обратиться. А вопрос задал глупый! Конечно, никому ничего не говорил! Я – человек военный, и что такое секретная информация, лучше тебя понимаю.

– Так вот, чтобы нам с вами не рисковать жизнью Дарьи Федоровны, я вам настоятельно советую и в дальнейшем никому, в том числе и Софье Абрамовне, ничего не говорить, а то поделится она этой новостью со своими приятельницами, и пошло-поехало. А уж в том, что сама Дарья Федоровна никому ничего не скажет, мы можем быть уверены – это же в ее интересах.

– Ну и слава богу, что все обошлось, – с облегчением вздохнул Тимофеев. – Теперь главное, чтобы Сонечку удачно прооперировали. Отцу привет при случае передай!

– Обязательно, – пообещал Гуров.

Когда он отключил телефон, Дарья Федоровна кивком показала на лежавшую на столе газету, на полях которой очень неумело было изображено какое-то насекомое, долженствовавшее обозначать «жучок», и Лев кивнул. В глазах домработницы появилось тако-о-ое злорадное выражение, что он не выдержал и усмехнулся, пытаясь понять, как она собралась мстить «интервентам»: ругаться матом с утра до вечера или во весь голос распевать русские народные частушки, изобилующие тем же матом, но жизнь тем медом точно не покажется.

– Ну, вот и все, – сказал он, поднимаясь. – Все обошлось, живите дальше спокойно, лечитесь и выздоравливайте! Если вдруг моя помощь потребуется, то звоните, не стесняйтесь, – и протянул ей визитку, потому что эта женщина очень ему понравилась. А еще она очень сильно напомнила ему выростившую его Клаву, которая в их доме тоже считалась кем-то вроде домработницы, а на самом деле была главой семьи, и, когда умерла, они осиротели.

– Бог даст, не понадобится, – ответила Дарья Федоровна, но визитку убрала в карман. – Ну, пошли, провожать тебя буду – замки-то надо запереть.

Они медленно дошли до двери, Гуров надел куртку и со-

всем собрался было выйти, как она, поманив его пальцем, чтобы он наклонился пониже, зашептала ему в ухо:

– Я чего вскинулась-то? Вспомнила, что, когда на диване сидела и прислушивалась, краем уха услышала, как один парень сказал другому: «Ну, вот! И здесь пусто!» Ты уж прости, что сразу не вспомнила.

Услышав это, Гуров застыл – значит, эти профи обыскали не только этот дом, но и еще чьи-то, только в тех случаях хозяев не было дома, вот они ничего и не заметили. Кивнув Дарье Федоровне, показывая, что все понял, Гуров громко попрощался с ней и вышел. Постоял на крыльце, слушая, как за дверью гремят многочисленные запоры, а потом спустился к машине, сел и поехал на работу, думая по дороге: что же такое невероятно ценное ищут эти «ниндзюки»?

Приехав в управление, Лев сразу пошел к Орлову – сложившаяся ситуация ему категорически не нравилась. Один раз, когда эти парни на старуху налетели, обошлось, а если вдруг домой не вовремя вернется другой человек и вздумает скандалить, то ведь и до трупа недалеко. Орлов внимательно выслушал Льва, а потом спросил:

– У тебя есть хоть какие-нибудь соображения насчет того, что они ищут?

– Петр! Это может быть все, что угодно, хоть карта закрытых пиратских сокровищ! Ясно только одно: это действительно какие-то документы, причем в оригинале, а не на носителе, потому что карту памяти или флэшку в этом огром-

ном доме можно заныкать так, что никакие специалисты не найдут. Но там бумаг, видимо, нет, потому что искали очень профессионально!

– Отсюда второй вопрос, что это за профессионалы и откуда взялись? – сказал Орлов. – Таких специалистов за месяц на ускоренных курсах не подготовишь, таких годами выращивают! Этим, ты говоришь, где-то по тридцать, ну, плюс-минус пять лет. То поколение, которое из КГБ, ГРУ и прочих спецслужб ушло, когда их светлые головы, – он потыкал пальцем вверх, – разогнали, постарше будет. Кто же тогда новые кадры готовит? И где? И для чего? И для кого?

– А вот об этом пусть у тех же светлых голов, – Гуров тоже потыкал пальцем вверх, – голова и болит! Сами наворотили, пусть сами и расхлебывают! Мы сыскари, к спецслужбам отношения не имеем! Эти профи криминалом не балуются, потому что иначе уже у нас бы голова болела. И при их подготовке это была бы такая головная боль, что проще застрелиться. А у них другая работа, и какая именно, меня не интересует! В данном конкретном случае состава преступления нет! А на нет и суда нет! Дальше копать в этом деле я не буду, чтобы Дарье Федоровне не навредить – ты себе не можешь представить, какая это чудная бабка! Засим разрешите откланяться! Честь имею!

Гуров пошел к двери и услышал, как Орлов бросил ему в спину:

– Если ты не будешь заниматься политикой, то политика

займется тобой. Ты не помнишь, чьи это слова?

– Вот когда займется, тогда и буду думать, – повернувшись в дверях, ответил Лев. – Только я не советовал бы ей со мной связываться – целее будет!

В их кабинете Стас старательно корпел над бумагами. Лев присоединился к нему, потому что от работы никуда не денешься, если новых дел нет, то по старым нужно хвосты подчистить.

Затишье длилось два дня, а на третий позвонила Дарья Федоровна, причем ее голос Гуров узнал с трудом – так она хрипела.

– Ох, а почему мне кажется, что народное песенное творчество вам на пользу не пошло? – усмехнулся он.

– А чего мне не развлекаться, когда я дома одна? – рассмеялась та.

– Шутки в сторону! Что-то случилось? Надеюсь, не с вашей сестрой? – называть вслух чьи-то имена Лев поостерегся – береженого и Бог бережет.

– Слава богу, нет! Хотя что-то подозрительно долго тянут они с операцией, говорят, что подготовить Соньку надо, чтобы никаких осложнений не было. Была бы я ходячая, так мигом бы из них все вытрясла, а сейчас ведь и не доберусь туда сама.

– Вы откуда звоните?

– Со двора, да еще и с Иркиного телефона – конспирацию блюду. Тут вот какое дело. С Тонькой беда, в больнице она с

сотрясением мозга лежит. Не вовремя домой вернулась. Она Соньке позвонила, чтобы на жизнь пожаловаться, да Генка им толком поговорить не дал – он же у Соньки в палате с утра до вечера торчит. Сонька просила меня Тоньку навестить, да я отговорилась тем, что сама заболела, но по телефону у Тоньки кое-что выпросила. Украсть у нее ничего не украли, больше разбросали да набезобразничали. Уж не знаю, надо тебе это или нет, но заявление в полицию она написала. А фамилию ее я тебе называла.

Вот это новость! Гуров глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, а потом искренне проговорил:

– Мудрая вы женщина! По-моему, вы тоже в бабушку пошли.

– Я не мудрая, а любопытная! Интересно же, из-за чего весь сыр-бор разгорелся.

Лев просмотрел сводку происшествий за сутки – и точно! Незаконное проникновение в жилище гражданки Чистяковой Антонины Николаевны, где она подверглась нападению неустановленных лиц, дело завело райуправление полиции. Лев немедленно отправился к Орлову и прямо с порога заявил:

– Петр! История повторилась! На этот раз с подругой Софьи Абрамовны – тоже не вовремя домой вернулась. А давай-ка я к этому делу подключусь.

– Такая мелочовка тебе не по рангу, подозрение вызовет, – возразил Орлов.

– А кто нам мешает сказать, что это серия? – предложил Гуров. – Запроси данные по аналогичным преступлениям за последний год, и кто нам тогда что скажет?

– Вообще-то, это идея, – подумав, согласился Петр.

– Тогда я сейчас в райуправление, потом в больницу, а ты тем временем распорядись, – попросил Лев.

В райуправлении загнанные жизнью и службой опер со «следаком», оба не моложе самого Гурова, но в звании капитанов, изумленно посмотрели на него, потому что полковнику-важняку из Главка такое дело было явно не по чину, но Лев развел руками и объяснил:

– Серия, господа! К тому же личность потерпевшей! Было указание приложить все силы, но супостатов найти!

Вздых облегчения, раздавшийся вслед за его словами, чуть не сбил его с ног. Перекинуть на «варяга» из Главка откровенный «глухарь» – это ли не самая сладкая мечта «районника»? А потом смотреть, как он вертится, словно черт в рукомошнике, и тихо млет от чувства полного и окончательного отмщения за свои несбывшиеся надежды, ибо кто же не мечтал в молодости достичь таких же высот? А тут эта живая легенда МУРа хлопнется в лужу! Да прямо в парадном мундире! Да со всеми орденами! И тогда можно считать, что жизнь прожита не зря! Будет что в старости вспомнить со злорадной усмешкой и внукам рассказать!

Гурову даже смотреть в сторону приободрившихся от его

слов мужиков не надо было – они такие мощные флюиды злорадства испускали, что воздух завихрился и пыль поднялась. Тощее уголовное дело Лев открывать не стал, а начал тут же допрашивать «районников», да так, что они очень скоро взмокли и от его сыпавшихся один за другим вопросов, а главное, от его понимающего взгляда. Тут-то они и поняли, что рано обрадовались, потому что думать-то будет он, а вот ножками придется бегать уже другим. Когда оба окончательно и бесповоротно выдохлись и, обреченно переглядываясь, вытирали лицо мокрыми носовыми платками, Лев сказал:

– Итого! Что мы имеем в «сухом» остатке. Вчера в 12.42 в дежурную часть ГУВД поступил вызов от одиноко проживающей гражданки Чистяковой, которая сообщила, что, вернувшись домой, в своей собственной квартире подверглась нападению грабителя либо грабителей, один из которых, ударив ее, привел в бессознательное состояние. Когда она очнулась, в квартире никого уже не было, а все вещи были разбросаны. Наряд прибыл к ней в 13.04 – долго добирались, могли бы и побыстрее в такой дом приехать! Застали на месте не только потерпевшую, но и врачей «Скорой помощи». Вызвали следственную бригаду, которая тоже не спешила на место происшествия...

– А нам не разорваться! – буркнул опер.

– Но из-за этого гражданке Чистяковой пришлось временно отказаться от госпитализации! – с нажимом произнес Гу-

ров. – Потому что врачи «неотложки» тоже не могли до вечера у нее сидеть. С помощью приехавшей дочери гражданки Чистяковой было выяснено, что грабитель или грабители ничего похитить не успели. Заключение экспертов по пальчикам и всему прочему еще не готово, поквартирный обход не произведен, охранник, дежуривший вчера в подъезде, не допрошен, запись с камер видеонаблюдения не изъята. Отсюда вопрос: ребята, вам погоны жмут?

– Товарищ полковник! – чуть не взвыл «следак». – Так ведь ничего же не украли!

– А то, что гражданка Чистякова по головушке получила и вечером была госпитализирована с сотрясением мозга, это как? С врачами кто-нибудь говорил? Может, там тяжкие телесные – дама-то немолодая? А незаконное проникновение в жилище?

– Товарищ полковник! Можно подумать, что вы никогда на «земле» не пахали! – возмутился опер. – У нас таких дел – вон, целая полка! А работать кому? Все переаттестация, мать ее! Стариков знающих убрали, а сопляков набрали! Да ладно бы хоть еще толковых, которые учиться хотят! Так ведь те пришли, причем по блату, кто на большую зарплату позарился, а на работу клал с прибором!

– Ты мне жалостливые песни не пой, соловушка! – отмахнулся от него Гуров. – Я сюда не с Луны прилетел! И что творится, не хуже тебя знаю! Но хоть необходимый минимум-то нужно было сделать! У нас потерпевшая – бывшая

жена известного писателя Стефанова, и подруги с друзьями у нее такие, что все ваше управление словно ураганом снесет! Это она пока только в колокольчик звякнула, а вот когда колокола громкого боя грянут, так вы как наскипидаренные носиться будете! И лучше вам этого момента не дожидаться! Так что впрягайтесь и пашите! А я к потерпевшей в больницу! И чтобы к моему возвращению первые результаты уже были!

Опер со «следаком» проводили его хмурым взглядом, потом переглянулись и поняли, что миг окончательного и бесповоротного торжества над «варягом» отодвигается в очень необозримое будущее.

В «склифе» Гуров первым делом поговорил с врачами и выяснил, что состояние потерпевшей практически удовлетворительное, сотрясение мозга под большим вопросом, так что она могла бы и дома отлежаться. Но Антонина Николаевна – дама излишне нервная, опять же, адвокат ее тут присутствует, так что, с одной стороны, держать ее здесь вроде бы и незачем, но, с другой стороны, пусть уж полежит пару деньков, от греха подальше.

В палате потерпевшей Гуров действительно увидел рядом с кроватью Чистяковой до того вальяжного господина лет пятидесяти, что мгновенно понял, почему домработница назвала его прохвостом – только очень гнилой человечешко будет себя до такой степени холить и лелеять, чтобы никто за

внешним лоском не разглядел его истинную сущность. Лев пододвинул поближе к кровати другой стул, сел и представился. Овчинников тут же достал свою визитку и протянул ее со словами:

– Не приведи господи, понадобится. Тогда, милости прошу, помогу, чем смогу. – И спросил: – Лев Иванович, поймите меня правильно, но не могли бы объяснить, чем вызван интерес офицера столь высокого ранга к рядовому преступлению?

– Серия, Владимир Николаевич! – ответил Лев. – Не только Антонина Николаевна пострадала, но и очень многие не менее значительные персоны.

– Ох и хлопот у вас будет! – сочувственно покачал головой адвокат. – Но зато мы с Тонечкой можем быть уверены, что уж вы-то во всем разберетесь. А то ведь из райуправления сюда даже не пришел никто, чтобы показания снять.

– Видимо, они посчитали, что наша больная еще слишком слаба для этого, да у них сейчас и другой работы по этому делу много, вот я сам и пришел, чтобы побеседовать. Вы согласны, Антонина Николаевна?

– Да, – с готовностью согласилась та. – Вы не против, если при нашем разговоре будет присутствовать Володя?

– Конечно нет, – кивнул Лев. – Итак, Антонина Николаевна, опишите мне ваш вчерашний день.

– Я была на даче за городом, а вчера утром решила вернуться в Москву, – начала она.

– Как я понимаю, это решение возникло у вас внезапно?

Она замялась, но Овчинников, тихонько рассмеявшись, сказал ей:

– Тонечка! Не надо ничего скрывать от Льва Ивановича! Он же тебе помочь хочет! – Она упрямо молчала, и тогда он сам объяснил: – Мы с Тонечкой давно уже просто друзья, и у нее нет от меня секретов. Дело в том, что у нее не столь давно появился близкий друг, намного моложе ее. Как вы понимаете, она хотела быть уверена, что ни с кем не делит его внимание, и попросила меня навести справки, что я и сделал. Выяснил, что этот человек недостоин ее благосклонности, о чем и сообщил ей по телефону. Как оказалось, она в то время была вместе с ним на даче. Произошел скандал – Тонечка у нас дама впечатлительная, неверный был немедленно изгнан, а она решила на следующий день вернуться в город, хотя планировала пожить на даче подольше. Но одной ей там было скучно, а поскольку она сама водит машину, то и приехала.

– Ну, и чего было скрывать? – удивился Гуров. – Только вот данные этого бойфренда мне надо было бы получить.

– Вы думаете, это он навел? – спросил адвокат.

– Надо проверять все версии. Может оказаться, что случай Антонины Николаевны в серию как раз не вписывается, – объяснил Лев.

Чистякова продиктовала Гурову все данные на бывшего любовника и начала рассказывать:

– Я провела практически бессонную ночь, была очень расстроена всем произошедшим, а тут еще невероятно скверная дорога. Я ехала медленно, ужасно устала, и единственное желание было: принять ванну, немного выпить, поделиться с подругами своим горем, а потом лечь спать. Я оставила машину в подземном паркинге нашего дома и оттуда на лифте поднялась к себе на этаж. Знаете, когда до цели остается совсем чуть-чуть, человек невольно расслабляется. Это сейчас я вспоминаю, что наружная дверь была закрыта только на один замок, хотя я всегда запираю на один, а бойфренд на два.

– Простите, что перебиваю, в вашей квартире есть охранная сигнализация? – спросил Гуров. – И если есть, то какая?

– Конечно, есть, – кивнула она. – Самая обыкновенная. Володя мне объяснил, что так надежнее, и я, уходя, всегда сдаю квартиру на пульт.

– Ваш бойфренд знал пароль?

– Нет, – усмехнулась Антонина Николаевна. – Даже моя глупость все-таки имеет предел. Он в этой квартире не был ни разу – я, знаете ли, дорожу своим именем, мы встречались только на даче. Так вот, едва я открыла дверь, как меня словно вихрем в коридор внесло, и больше я ничего не помню. Когда очнулась, оказалось, что лежу на полу там же в коридоре, голова ужасно болела, но я все-таки встала и прошла в комнату. Там творилось нечто невообразимое! Разбросано было все! Я немедленно вызвала полицию, потом «Ско-

рую помощь» и позвонила дочери, чтобы она приехала, но она с мужем живет за городом, поэтому добиралась довольно долго. Врачи приехали быстро, хотели меня тут же забрать в больницу, но мы должны были сначала дождаться полицию. Прибывшие два мальчика не внушали мне ни малейшего доверия, и я не рискнула оставить квартиру на них, а медработники не могли ждать бесконечно и уехали. Наконец прибыли настоящие полицейские, а вскоре и моя дочь. Она снова вызвала «Скорую» и осталась там с полицейскими, а меня привезли сюда. Конечно, можно было бы и в частную клинику поехать, но «склифу» в подобных случаях я доверяю больше.

– Насколько мне известно, у вас ничего не похищено?

– Да, все деньги и драгоценности я держу только в сейфе, а они, видимо, не смогли его открыть – там очень сложный замок, да и шифр непростой. Я заглянула туда, все оказалось на месте.

– Оказалось или показалось? – уточнил Гуров.

– У меня не было сил проверять, я просто глянула, по крайней мере, все лежало на своих местах. Особо ценного антиквариата у меня нет, библиотека без раритетов. Так что прийти могли или за деньгами, или за драгоценностями.

Тут у Овчинникова зазвонил сотовый. Извинившись, он отошел в сторону, поговорил, а вернувшись, сказал:

– Тонечка! Прости, но мне надо бежать. Поправляйся, моя хорошая.

Поцеловав ее в щеку и простившись с Гуровым, адвокат ушел, а Лев, когда за ним закрылась дверь, недоуменно заметил:

– Простите за бестактность, но мне кажется, что Владимир Николаевич, который к вам так хорошо относится, подошел бы на роль близкого друга гораздо лучше кого-нибудь другого. Может быть, вы напрасно отвергли его ухаживания?

– Лев Иванович! Я могу ответить, но вы после этого будете дурно обо мне думать, – засмеялась Чистякова.

– Никогда! – заверил ее Лев.

– Со святыми скучно! – тихо произнесла она.

– Святых нет! – заговорщицким тоном прошептал Гуров.

– Есть! И вы только что с одним из них познакомились!

– Знаете, если бы было время, я бы с удовольствием пообщался с ним поближе, но, увы, дела не позволяют. А как вы сами с ним познакомились, если не секрет?

– Нас познакомила Валя, жена профессора Потапова – он их в свое время очень выручил, когда их балбес связался с одной приехавшей покорять столицу провинциалкой. Девушка была совершенно не нашего круга, без образования, но хваткая, алчная, умная, знала, чего хочет в жизни, и в средствах не стеснялась. Вот их «пентюх домашнего производства» и показался ей легкой добычей. Не представляю себе, как бы они от нее отбились, если бы не Володя. Он выяснил всю ее подноготную, и мальчишка, как ни был влюблен, узнав все, порвал с ней – там было тако-о-е прошлое! А когда

у меня самой встал вопрос о разводе, Валя и посоветовала обратиться к Володе.

– Инициатором развода были вы?

– Да! Сил терпеть больше не было, а транквилизаторы уже не помогали. Кстати, я ведь тоже из провинции, приехала в Москву после нашего филфака учиться в Литинститут. В это сейчас трудно поверить, но я в молодости писала очень неплохие стихи, должно быть, по наследству перешло – мой папа был очень известным в нашем регионе поэтом. Я потому и фамилию менять не стала. А Стефанов к тому времени был уже известным писателем и находился в свободном полете, ограниченном размером комнаты в коммуналке, доставшейся ему после развода. Влюбилась я в него, как последняя дуреха! Поженились, и дальнейшая учеба побоку, потому что, один за другим, двое детей. Коммунальный быт, пеленки, готовка и все прочее. Мужа творческие муки терзали, и я по несколько раз одну и ту же рукопись перепечатывала, потому что на машинистку у нас денег не было. Потом мои родители нам помогли, выстроили кооператив в Москве, жизнь стала налаживаться, дети подросли, только время мое уже ушло. Если и была во мне искра божья, то я ее сама утопила в корыте с грязной водой. Муж по-странные разъезжал, встречался с читателями, в доме постоянные гости, застолья, хорошо хоть пил в меру. То, что он мне изменять начал, я сразу поняла, но молчала – куда я с двумя детьми и без работы? Тем более что денег хватало не только

на необходимое – его же все время издавали и переиздавали. И вдруг все поменялось с точностью до наоборот! Романы на производственные темы и о руководящей роли партии стали никому не нужны, супруг мой запил, а я хлопотала вокруг него клушей-наседкой и не дала спиться, как случилось со многими другими. Ему посоветовали переключиться на детективы, и ведь получилось! Щелкал их один за другим, как на станке штамповал, у него даже план был: одна рукопись в месяц. И тут заметила я, что у моего супруга словно крылья выросли! Ходит радостно-оживленный, новые вещи себе покупает, и денег стало значительно меньше, хотя его тиражи постоянно росли – уж я-то в этом разбираюсь. На то, что он до этого иногда дома не ночевал, а оставался якобы у друзей, я внимания не обращала – бывает. Но тут он стал по неделе пропадать. Я поняла, что появилась новая любовница, а это дело затратное не только в плане денег, но и времени. То есть у старой музы крылышки пообвисли, внешность поблекла, а молодая муза уже колотит лирой в дверь, готовая подхватить знамя, выпавшее из рук предшественницы. После всего, что я для него сделала, я сочла это предательством.

– Полностью с вами согласен, – совершенно серьезно заявил Гуров. – Это действительно самое настоящее предательство!

– Посмотрела я вокруг, – продолжала Чистякова, – на себя, постаревшую от литературно-бытовых коллизий, и поняла, что пора наконец и о себе, любимой, позаботиться, тем

более что дети выросли и своими семьями живут. Вот тогда-то меня Володя и выручил! Я объяснила ему ситуацию и написала доверенность на ведение дел. Я не вникала в то, что он делал, а получила готовый результат – мой бывший супруг без звука дал мне развод и вышел из квартиры только с двумя чемоданами. Его дальнейшей судьбой я не интересовалась. Знаю, что продолжает писать, потому что отчисления на мой счет поступают регулярно.

– К вопросу о святости, услуги Владимира Николаевича вам дорого обошлись?

– Да, я выплатила ему некоторую сумму, но после, – подчеркнула она, – а не в качестве аванса, который кто-то другой мог бы и не отработать. К тому же, если бы не он, еще неизвестно, что бы мне досталось. Во всяком случае, того, что он для меня добился, я бы точно не получила. С тех пор я всем рекомендую к нему обращаться, и он еще никого не разочаровал.

– Странно, что он при такой хватке не ведет бракоразводные процессы олигархов, – удивился Лев. – Озолотился бы, право слово!

– А ему этого не надо! Потому я и сказала, что он святой. У него адвокатское агентство, он помогает всем, кто к нему обращается, и никого, как липку, не обдирает, а малоимущим – вообще бесплатно. Я не очень хорошо знаю, как это агентство работает, но он мне говорил, что набирает после юрфака дельных, хватких парней, но без малейшей перспек-

тивы хорошо устроиться, и натаскивает их сначала на мелочовке, а потом поручает и более ответственные дела.

– Знаете, Антонина Николаевна, мне почему-то кажется, что у него должно быть немало врагов в лице тех, кого он пригнул, как вашего мужа, – задумчиво произнес Лев. – И как он не боится так рисковать? Хоть с охраной ездит?

– Враги есть у каждого. Вот у вас, например, при вашей работе наверняка немало врагов, но вы же не ездите с охраной, – возразила она.

– Не надо нас сравнивать. Я – подготовленный, тренированный человек, в любой момент готовый отразить нападение, да и оружие всегда при мне. – Лев продемонстрировал ей пистолет в наплечной кобуре. – А вот Владимир Николаевич, простите, таковым не выглядит. Даже если у него есть при себе оружие, то нужно еще иметь мужество выстрелить в человека. К тому же это оружие могут просто выбить из рук, и тогда ситуация обернется уже не в пользу господина адвоката, потому что тот, кто это сделает, сам-то выстрелить не побоится.

– У каждого свое оружие, – парировала Чистякова. – У него, например, мозги.

– Дорогая Антонина Николаевна! – тяжело вздохнул Лев. – Не хочется о грустном, но я за годы своей службы видел на асфальте столько мозгов, причем умнейших людей, что это, поверьте, не аргумент.

– Лев Иванович, – усмехнулась она. – Если враг предупре-

жден о том, что в результате такого мозгоразбрасывания по асфальту ему станет намного хуже, чем сейчас, он рисковать не будет. Самому дороже обойдется.

– Давайте сменим тему, а то мне уже самому тоскливо, – взмолился Гуров. – Скажите лучше, вы ничего больше не вспомнили о том дне?

– Да нет, – пожалала она плечами. – Рывок, боль, темнота, и все.

– Негусто, – вздохнул Лев. – Ну, что же, будем надеяться, что, сравнив показания всех потерпевших, мы все-таки за что-то зацепимся. Но, если вдруг что-нибудь вспомните, позвоните, пожалуйста. – Он протянул ей свою визитку, поднялся, отнес на место стул, а потом, повернувшись к ней, азартно предложил: – Антонина Николаевна, а почему бы вам самой не начать писать? У вас такой хороший литературный язык, стиль, обороты речи...

– Ле-е-ев Иванович, – невесело рассмеялась она. – Вы имеете хотя бы малейшее представление о том, что такое издательское дело и какие законы там царят? А вот я это в подробностях знаю. Будь мне сейчас двадцать два года, я бы еще попробовала пробиться, но в моем возрасте...

– И все-таки подумайте об этом, – посоветовал он. – Я уверен, что у вас получится! Для начала поработаете рецензентом, потом, глядишь, редактировать начнете, а там и сами что-нибудь напишете. Вернетесь в привычный круг литераторов, старые знакомства восстановите.

– Упаси бог! – воскликнула она. – Только не это! Я на них уже во всех видах насмотрелась! А вот поработать?.. Это было бы интересно.

– Тогда не будем откладывать это дело в долгий ящик, – сказал Гуров.

Он тут же позвонил одному своему «должнику», совладельцу не самого захудалого издательства – впрочем, где только у Льва не было должников? – и обрисовал ему ситуацию, подчеркнув, чья дочь и бывшая жена Антонина Николаевна. Фамилия провинциального поэта его собеседнику ничего не сказала, а вот про Стефанова он не знать не мог.

– Это та, которая его догола раздела? – воскликнул он. – И между прочим, правильно сделала! Тот еще кобель! Странно, что она так долго терпела! В деньгах, как я понимаю, она не слишком нуждается, потому что за рецензии мы платим негусто.

– Ей, главное, к творчеству вернуться, пусть пока в такой форме, а потом вы уж сами определяйтесь. Антонина Николаевна сейчас рядом со мной, я ей дам твой номер телефона, и общайтесь дальше напрямую. Она сейчас немного приболела, но дня через два-три тебе позвонит.

Чистякова, сама не веря своему счастью, записала номер издателя и посмотрела на Гурова таким благодарным взглядом, что Лев почувствовал себя неловко.

– Поправляйтесь, Антонина Николаевна! – пожелал он ей. – Если же этот паршивец, – он ткнул пальцем в сторону

лежавшего на тумбочке сотового, – будет финтить, немедленно звоните мне – я его выпорю!

Провожаемый ее искренними заверениями в совершеннейшем почтении и глубочайшей благодарности, Гуров вышел из палаты и пошел по коридору, чуть не приплясывая от радости – он узнал намного больше, чем рассчитывал. А идею насчет работы подкинул Антонине Николаевне специально, чтобы она начала думать уже в этом направлении, а не анализировать то, что рассказала ему – не дай бог, поймет, что проговорилась. И путь его лежал напрямиком в райуправление – должны же были они хоть что-то нарыть!

То, что новой информации до обидного мало, Лев понял сразу же, как только увидел две кислые физиономии, на которых легко читалось, что, если легкомысленная мечта поглумиться над ним давно и бесследно испарилась, то перспектива получения «звездюлей» от родимого начальства приближалась с неумолимостью окончательной победы мирового капитализма.

– Внемлю, – сказал он, легкомысленно усаживаясь на край стола.

Мужики переглянулись, и опер, старательно глядя в сторону, начал рассказывать убитым тоном:

– Докладываю. Дом, мать его, архитектора продвинутого, за ногу, выстроен так, что подъезд и гостевая стоянка находятся с одной стороны, а въезд в подземную парковку для

жильцов – с другой. В доме два охранника: один в подъезде, второй – на парковке. Мимо того, что в подъезде, никто чужой не проходил. Второй тоже ничего видел, но по другой причине. Он на мониторе заметил, как какой-то бомж пристроился возле въезда малую нужду справить, вышел его шугануть, и больше ничего не помнит. В себя пришел от холода – его на пол в угол за машину положили отдохнуть. Говорит, голова до сих пор как чугунная. Диск из камеры видеонаблюдения с парковки изъят, видимо, злоумышленниками. Поквартирный обход ничего не дал – грабителей никто не видел, да и время было рабочее. Экспертов напрягли, пальчики потерпевшей по всему дому, есть посторонние, но по нашим базам ни одни не проходят, следов грязной обуви в доме не обнаружено – грабители, чтоб им, умные стали, работают в перчатках и бахилы надевают. Орудие преступления, которым был нанесен удар потерпевшей, не обнаружено. Могли и кулаком шарахнуть – много ли бабе надо? Все!

– Ваши дальнейшие действия? – невинно поинтересовался Лев.

Тут мужики дружно взвыли и, забыв о субординации, выступили единым фронтом уже на два голоса, причем «следак» подпевал из чистой солидарности – он-то в управлении отсиживался, а вот опера понесло – мало того, что его и остальных Гуров заставил, высунув язык, по дому потерпевшей бегать, сменившихся охранников разыскивать, с экспертами матерно лаяться, чтобы они поторопились, так теперь

еще и издевается.

– Какие, на хрен, могут быть действия?

– Мы невидимок ловить не обучены, уж не обессудьте!

– А может, вы с нами опытом поделитесь, как это делать?

Гуров терпеливо слушал эту истерику, а когда она ему надоела, перебил «выступающих»:

– Господа! Не вижу причин для подобной паники. Вы сами сказали, что у вас таких дел целая полка, вот и ищите дальше. Где-то эти грабители должны были проколоться, потому что они не бестелесные сущности, а существа реальные. Желаю удачи!

Он вышел и уже из машины позвонил Орлову:

– Петр! Ты на месте?

– Тебя дожидаюсь, чтобы макулатуру сдать – до двадцати килограммов чуть-чуть не хватило, по старым временам, на какой-нибудь детектив можно было бы поменять.

– Тебе их в жизни мало? – хмыкнул Лев и пообещал: – Скоро буду. И макулатуру приму, и детектив в обмен выдам.

В кабинете Орлова на столе для заседаний лежала внушительная стопа листков – информация по аналогичным преступлениям в Москве. На двадцать килограммов она, конечно, не тянула, но выглядела впечатляюще. Перехватив взгляд Гурова, Орлов сказал:

– И ведь это только те, по которым пострадавшим заявления пропихнуть удалось, а сколько не приняли? Ты тут на

год с головой увязнешь!

– Не увязну, – заверил его Лев. – Я все понял! Антонина Николаевна дама неглупая, но и из таких при должном подходе можно кое-что ценное вытянуть. – И начал рассказывать: – Я тебе говорил про адвоката Владимира Николаевича Овчинникова, который Софье Абрамовне помог? Так вот, я его сегодня встретил не где-нибудь, а у постели потерпевшей Чистяковой, и отношения у них самые дружеские. Она и сама в свое время его услугами воспользовалась, и другим неустанно рекомендовала, и все остались в восторге от его работы. А круг общения у нее, сам понимаешь, какой!

– Что-то я среди ведущих адвокатов города такую фамилию не слышал, – заметил Петр.

– И я о том же! А у него, между прочим, адвокатское агентство, и, судя по результатам его работы, на него еще и частные детективы пашут, потому что без них шиш бы он таких результатов добился. Сама Чистякова, например, при разводе дочиста обобрала своего мужа, хотя по закону имела право только на половину совместно нажитого. А виноват-то тот был всего лишь в измене. Ладно, был бы он каким-нибудь известным политиком, тогда это еще как-то можно было бы понять, хотя и те сейчас живут, как хотят. Но Стефанов-то писатель-детективщик! В литературных кругах адюльтер – вообще не грех! Значит, либо Овчинников нашел в его шкафу какой-то уж очень дурно пахнущий скелет, либо...

– Его запугали так, что он счел за благо все оставить и

смыться, пока цел, – закончил его мысль Петр.

– Про девушку сына ее друзей нарыл всю подноготную, а та вообще из провинции. На любовницу мужа Софьи Абрамовны нашел что-то такое, что она из города с концами уехала, – продолжал Гуров. – Вот и возникла у меня мысль, а не...

– «Черный» ли он адвокат? – понятиливо покивал Орлов. – Тогда он должен быть крепко с криминалом повязан, и это все объясняет.

– Я тебе больше скажу! Он от возможной мести тех, кого пригнул, хорошо подстраховался! Видимо, на каждого у него компромат собран, да такой, что человек сто раз подумает, прежде чем что-то против него предпринять, – это мне Антонина Николаевна практически открытым текстом сказала.

– Держать у себя в доме этот компромат он не будет, а вот оставить его кому-то из обязанных ему людей, с просьбой отправить по какому-нибудь адресу в случае его смерти, – запросто, – предположил Петр.

– А поскольку его агентство оказывает еще и бесплатную юридическую помощь малоимущим, то таких людей, для которых он благодетель и спаситель, – полным-полно. Но у кого-то земля под ногами горит или платить надоело, вот он и нанял наших «ниндзюков», чтобы они потихоньку обыскивали дома клиентов Овчинникова.

– Или приказал, – добавил Орлов.

– Возможный вариант, – подумав, согласился Лев.

– Только здесь дело не обязательно в деньгах, от человека могли постоянно просить, понимай – требовать, какие-либо услуги, а это пошло вразрез с его интересами.

– Требовать – вряд ли, – с сомнением заметил Гуров. – Я с Овчинниковым недолго общался, но сразу понял, что он человек очень умный. Просто так дергать за ниточки, чтобы власть свою показать, не будет, а вот мило попросить о дружеской услуге – это да! Он мне дал свою визитку, вот я и думаю, не наведаться ли к нему, прощупать, чем он дышит, посмотреть, что это за агентство такое.

– Запрещаю в категорической форме! – жестко проговорил Орлов. – Мы не знаем, какая там игра идет и какие в ней правила. Кто у него на крючке и по какой причине. Если «ниндзюки» ведут себя так скрытно, значит, Овчинников не должен почувствовать ни малейшего интереса к себе или своим клиентам, потому что последствия могут быть катастрофическими. Помнишь, как тот парень сказал Дарье Федоровне: «Ты нам все дело завалишь»? Вот и ты в эту кашу не лезь со своей ложкой – пусть сами разбираются. Ты и так уже «засветился» в больнице. Судя по подготовке парней, они, если ты им мешать станешь, уберут тебя и даже не дрогнут – видимо, в игре такие крупные карты, что мы и представить себе не можем.

– Ну, убрать меня – дело непростое, – самонадеянно заявил Лев. – Еще никому не удавалось.

– Все когда-то бывает впервые, – охладил его пыл Петр. –

И потом, кто сказал, что тебя нужно будет непременно убить? Они это делают только в случае крайней необходимости. Машина, например, тебя собьет, и попадешь ты в госпиталь с переломом, хорошо, если только ноги, вот тебя на время с игровой доски и уберут. На кого грешить будешь? На этих призраков, которые следов не оставляют? А если это кто-то другой? Или у тебя за все годы службы число врагов только уменьшалось? – Гуров, отвернувшись, промолчал – да и что он мог на это ответить? А Петр продолжил: – Чтобы тебе было чем заняться и дурные мысли в голову не лезли, будешь с завтрашнего дня разбираться вот с этим. – Он показал на лежавшую на столе стопу бумаги. – Ты своим визитом в больницу к Чистяковой людям и так уже навредил, а это хоть какая-то отмазка будет.

– Ты микроскопом гвозди забивать не пробовал? – взвился Лев. – Я, полковник-важняк, буду этой мелочовкой заниматься? Ну, знаешь!

– Знаю! Как облупленного тебя знаю! Уверен, что ты о моем приказе забудешь, как только за дверь выйдешь, и обязательно начнешь в этом деле самостоятельно ковыряться – тебя же хлебом не корми, дай влезть в какую-нибудь авантюру! Первый раз, что ли? – спокойно отреагировал на этот всплеск эмоций Орлов. – Ты для начала фамилии потерпевших прочитаешь, а потом будешь заниматься как миленький! Но – под моим присмотром! – И в ответ на настороженный взгляд Гурова покивал головой: – Да-да! Очень непро-

стые люди там имеются, которые могут быть к нашему делу причастны. Могут – это не значит, что обязательно причастны. Но! – грозно предупредил он. – Будешь действовать только в рамках расследования серии ограблений. И упаси тебя бог фамилию Овчинникова хоть раз упомянуть самому! Если кто-то скажет тебе, что тот оставлял им что-то на хранение, а после ограбления это пропало, – одно дело, но и тогда внимание на этом не акцентируй, а сам – ни-ни! И не заикайся! Ты об этом человеке даже не слышал!

– Вот уж город повеселится! – покачал головой Лев. – МУР от хохота три дня валяться будет, а потом еще неделю хихикать!

– А ты смотри на это философски, – посоветовал Петр. – И потом, хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Крячко посвящать будем? – спросил Лев.

– А куда же вы друг без друга? – усмехнулся Орлов. – Но в разумных пределах! О Софье Абрамовне – ни слова!

Ох, как же Гуров оказался прав! Его коллеги, как настоящие, так и бывшие, ржали, кто втихомолку, кто хихикал за спиной, правда, в лицо не осмелился никто – не тот у Льва характер, чтобы нашелся сумасшедший, который себе это позволил бы. Но вот от невинных вопросов, заданных самым участливым тоном, с самым искренним сочувствием в глазах, было не отвертеться. Гуров предпочитал отмалчиваться, и весь удар принимал на себя Стас. Когда отшучивался,

а когда и грозил, что, если вдруг «обнесут» такого любопытного, он с Гуровым его пожитки искать не будет.

Просидев весь следующий день до позднего вечера у себя в кабинете, они отработали все списки, отсеивая те случаи, которые явно не имели никакого отношения к их делу, и в результате осталось только с десяток приблизительно подходящих, одно из которых было точно их! Тем более что фамилию потерпевшего Гуров от Дарьи Федоровны уже слышал – это был довольно молодой человек, но уже заслуженный артист России Пивоваров, сын народного артиста СССР, что и объясняло его присутствие в кругу избранных, собиравшихся периодически в доме Софьи Абрамовны. Вместе с супругой и детьми он отправился отдохнуть, а вернувшись, обнаружил при полностью закрытых дверях и работающей сигнализации пропажу единственной вещи – кузнецовского фарфорового блюда. Это была вещь не бог весть какой красоты и ценности, но она досталась ему от пережившей блокаду Ленинграда бабушки, которая даже тогда ее не продала, и являлась своеобразной семейной реликвией. Когда-то оно разбилось, его аккуратно склеили и больше никогда не пользовались, оно просто занимало почетное место в шкафу, и все.

– Я так думаю, они его просто при обыске нечаянно еще раз разбили или оно само у них в руках развалилось – черт его знает, чем его когда-то склеивали, может, от времени клей уже не держал, – предположил Стас. – Склеивать заново было некогда, вот они осколки с собой и забрали. Видимо,

надеялись, что его сразу никто не хватится, а потом уже сам хозяин спишет его пропажу на то, что дети случайно разби-ли, но сознаться боятся.

– Или собирались найти в антикварных такое же блюдо и поставить его на место разбитого, потому что для них отклю-чить сигнализацию и войти в квартиру еще раз – как нечего делать. Но, видимо, не нашли. И пока это единственный наш случай, потому что с остальными еще разбираться и разби-раться, – вздохнул Лев.

– Я еще удивляюсь, как эти заявления вообще приняли, – хмыкнул Крячко. – Представляю себе глаза дежурного, ко-гда к нему приходит человек и говорит, что у него украли вазочку или статуэточку, а больше ничего.

– Ты на фамилии заявителей посмотри, тогда перестанешь удивляться, – буркнул Гуров. – Попробовали бы не принять! Но и заниматься этими делами никто не стал бы... – Он за-мер на полуслове, а потом заорал: – Черт! Как же я сразу не понял!

– Лева! Ори аккуратнее! Ты меня так зайкой сделаешь! – вздрогнув, попросил Крячко. – Что ты понял?

– Вот, смотри! Предположим, я оставил тебе что-то на хранение. Конверт, сверток! Неважно! Но что внутри, ты не знаешь! Я тебе просто объяснил, что в том случае, если ме-ня, допустим, убьют, ты должен отправить этот конверт по указанному адресу. И вот в один прекрасный день ты при-ходишь домой и решаешь проверить, а на месте ли то, что я

тебе доверил. Глядь, а этого нет! Все на месте: деньги, ценности, а этого нет! Что ты будешь делать?

– Позвоню тебе и скажу, что этот конверт, предположим, пропал.

– То есть распишешься в том, что не смог сохранить то, от чего зависит моя жизнь?

– В общем-то, так и получается, – согласился Стас.

– А другие варианты тебе в голову не приходят?

– Я понял, что ты хочешь сказать! Не буду тебе звонить, а постараюсь сам найти то, что у меня украли.

– Пра-виль-но! – выразительно произнес Гуров. – Только ты сам служишь в полиции, а другие? Им остается только туда обратиться! Но! Не исключено, что Овчинников отдал на хранение нечто не семье, а только кому-то одному: мужу или жене, так что вторая половина не в курсе. Предположим, к нему обратилась жена, чтобы адвокат отвадил от ее мужа любовницу, или наоборот. Этот человек спрятал доверенное ему на хранение, а обнаружив пропажу, запаниковал, не зная, как объяснить домашним. Сказать благодетелю, что не смог уберечь то, чем тот так дорожил? А вдруг снова обратиться придется? И тогда он забирает из дома какую-нибудь ценную вещь, которую очень легко спрятать на той же даче или в гараже, заявляет, что ее украли, и идет в полицию. Он, наивный, рассчитывает на то, что полиция найдет тех, кто побывал у него дома, а уж он как-нибудь выкупит у них ворованное. Возможный вариант?

– Притянуто за уши, но некоторое рациональное зерно в твоих словах имеется, – подумав, ответил Стас. – Но ведь кто-то мог и позвонить Овчинникову? Почему же тот не предпринял никаких ответных карательных мер?

– А мы об этом знаем? – возразил Гуров.

– Знаешь, Лева, такого мутного дела у нас еще не было, – вздохнул Крячко. – И, что самое поганое, приходится «тихариться», как будто мы сами преступники. Давай хоть в Интернете посмотрим, что собой представляет этот Овчинников.

Посмотреть-то они посмотрели, да вот узнали немного. Владимир Николаевич был членом коллегии московских адвокатов с 1994 года, собственного сайта не имел, как и его фирма, которая так и называлась «Адвокатское агентство В.Н. Овчинникова». Она была создана в 1995 году, информация о ней была довольно скупой: адрес, телефоны, электронная почта и объявление, что она оказывает всевозможные юридические услуги. Все!

– Эх, поговорить бы с кем-нибудь из адвокатов о нем, – как о несбыточной мечте, протянул Стас.

– Ну да! – хмыкнул в ответ Лев. – И, по закону подлости, налетишь именно на того, с кем Овчинников приятельствует. Придется добираться до него козьими тропами. Мы с тобой завтра разделимся, я беру себе Пивоварова и еще четверых человек, а тебе – остальные. Встречаемся вечером здесь, в случае чего – будем созваниваться.

– А чего это тебе Пивоваров? Может, я тоже на знамени-того артиста посмотреть хочу? – возмутился Стас.

– А того, что я сегодня о нем с женой поговорю, может, подкинет какую-нибудь интересную информацию, – объяснил Лев. – Если еще не спит, конечно. – Тут оба одновременно посмотрели на часы, и он хмыкнул: – Почти по Пушкину: «Уж полночь близится». И как нас с тобой столько лет жены терпят?

– Иногда мне кажется, что с трудом, – вздохнул Крячко.

Дома Гуров увидел, что его жена, народная артистка России Мария Строева, еще не спит, но уже собирается. Вымазанная кремами так, что живого места не осталось – а куда деваться, профессия обязывает всегда быть на высоте! – она сидела перед трюмо и, сладко позевывая, старательно втирала крем в руки – это была заключительная процедура. Уставший как черт Лев присел рядом, чмокнул ее в макушку – хоть там крема не было – и спросил:

– Маша! Ты Дмитрия Васильевича Пивоварова знаешь?

Жена тут же сделала брови домиком, улыбнулась самой язвительной из всех имевшихся в ее богатом арсенале улыбок и невинно спросила:

– Левушка! Ты хоть немного интересуешься творчеством своей жены?

Почувствовав подвох, Гуров счел за благо отделаться жестами, обозначающими, что лично он считает подобный во-

прос оскорбительным.

– Лева! Пантомима у тебя не получилась, – безжалостно заявила Мария. – Ладно! Так и быть, объясню и кое-что напомним! Мы с Димкой два года назад вместе снимались в фильме, который, между прочим, номинировался на ТЭФИ, а на церемонии я, кстати, была вместе с тобой и вас познакомила.

– Маша, прости! – покаянно произнес Лев. – Просто, если помнишь, я приехал туда сразу после задержания...

– Да, и безобразно проспал почти все время, – оборвала его она. – Хорошо, хоть не храпел! Так чего тебе от Димки надо? Надеюсь, он ничего не натворил?

– Он у нас потерпевшим проходил – украли у него одну очень ценную вещь. Вот я и хотел у тебя узнать, что он за человек, чтобы нормально пообщаться, а то среди артистов такие нервные особы попадают. Тебе ли не знать!

– О, боги! – воскликнула Мария, воздев руки к потолку. – Мой муж начал заниматься кражами!

– Маша! – поморщился Гуров. – Это серия, «обнесли» очень известных людей, так что хоть ты не сыпь мне соль!

– Ладно, расскажу, – согласилась она, но предупредила: – Только не думаю, что у тебя получится с ним самим поговорить – Ольга, его жена, тебя на пушечный выстрел к нему не подпустит. Актриса из нее никакая, так она его агентом стала, все его дела ведет, ей его душевный покой дороже всего – Димка же сейчас в двух сериалах снимается, да еще работа

в театре. Она на страже интересов семьи стоит крепче, чем железобетонная стена, – там же четверо детей.

– Ого! – только и мог заметить Гуров. – А подробнее?

– Ну, Димка – сын Васьки Пивоварова. Артист тот был гениальный, но... В общем, и жил смешно, и помер грешно. У него до Димкиной матери две жены было, но там и браки были истеричными, и без детей обошлось, а потом он женился на Томке, она на «Мосфильме» звукорежиссером работала. Родился Димка. Сначала все шло нормально, Васька, конечно, «котовал», но Томка – баба умная, виду не подавала. Потом у нее нашли онкологию, уже неоперабельную, а Димка к тому времени не только женился, но и детьми успел обзавестись и жил отдельно. Так вот, когда Томка еще болела, в Ваську вцепилась Лариска, помреж у Тарасюка, у которого тогда Васька снимался. Этот трухлявый, изгулявшийся пень был ей сто лет не нужен, а вот «трешка» в «Творческой молодежи»...

– Это которая на углу Садового и Малой Дмитровки, бывшей Чехова?

– Она самая, – кивнула Маша, – была ей не лишней – Лариска же из провинции, своего жилья не имела. Короче, не успели Томку похоронить, как Лариска туда переселилась, а потом они и расписались. Месяца не прошло, как Васька прямо на ней и помер. А завещание, оказывается, он на нее оформил, вот и оказалась она при квартире.

– Хваткая бабенка! – покачал головой Лев.

– Дура она! – хмыкнула Мария. – Не знала, с кем связалась! Да Ольга за свою семью кого угодно на куски порвет! Не знаю уж, кто ей и чем помог, только получила Лариска условный срок за доведение до смерти, оставление в опасности, что-то там еще, и ее признали недостойной наследницей, так что квартира теперь у Димки. А Лариска из Москвы сбежала – кто же ее после такого скандала к себе возьмет? Суд, говорят, был почему-то закрытым, но размазали ее там тонким слоем. Вот тебе и вся история.

– Спасибо, Машенька!

Гуров снова чмокнул жену в голову и отправился на кухню, чтобы хоть что-то все-таки съесть. Ужиная, он думал, что без Овчинникова в этой истории точно не обошлось, его мертвая хватка видна невооруженным глазом. Конечно, можно было бы поднять то дело, чтобы узнать все в подробностях, но что это даст? Хотя, может быть, и придется так поступить, если он завтра ничего не сможет добиться от Ольги. Только как бы половчее подобраться к Овчинникову и выяснить причину столь пристального интереса к нему «ниндзюков», а точнее, вычислить того, кто за ними стоит...

Мария оказалась права, как случилось всегда, когда дело касалось театрально-киношного мира. Едва услышав о том, что речь пойдет о его заявлении в полицию, Пивоваров тут же сказал, что всеми делами занимается его жена, и, не дав Гурову вставить ни слова, отключил телефон. А вот Ольга,

внимательно выслушав Льва, повела себя несколько странно, казалось, ее совершенно не волнует судьба столь дорогого для ее мужа предмета, но под нажимом Гурова все-таки назначила встречу у себя дома, предупредив, что у нее будет не больше пятнадцати минут.

И вот он, сидя в стандартной и стандартно обставленной трехкомнатной квартире, недоуменно смотрел по сторонам.

– Ожидали увидеть хоромы? – с усмешкой спросила Ольга.

– Признаться, да. Все-таки ваш муж очень популярный артист, все время снимается, в год несколько сериалов с его участием выходит, работает в театре, а?.. – Гуров повел рукой вокруг себя. – Представляю себе разочарование воров – они явно ожидали большего. Может быть, вы копите на загородный дом?

– Лев Иванович! У нас четверо сыновей! Так получилось! Первые были близнецы-мальчишки, а мне очень хотелось дочку, потому что и у меня самой только братья. Но получилась еще пара безобразников, так что нам уже не до девочки. А теперь давайте подсчитаем расходы. Старшие – в частной гимназии, младшие – в частном детском саду. Няня, домработница, водитель для Димы, чтобы он хоть в машине мог немного расслабиться. Хорошо еще, что его агентом являюсь я, а то пришлось бы и тому проценты отстегивать. У нас остается очень мало, но и это лежит в банке на депозите, потому что не успеешь оглянуться, как парни вырастут и им

свои квартиры нужны будут. Какой тут загородный дом?

– Могли бы взять ипотеку.

– Зачем? Из города долго добираться, а у Димы день по минутам расписан. К тому же не хочется влезать в эту кабалу. Это сейчас Дима нарасхват, но сколько таких артистов, которые годами с экрана не исчезали, а потом пропали – мода на них прошла, и все! Теперь по второразрядным сериалам кочуют. Вот, пока есть возможность, он и зарабатывает, чтобы будущее детей обеспечить, а уж я помогаю, чем могу.

– Квартиру, что после Василия Дмитриевича осталась, сдаете, наверное? – спросил Гуров и, встретив ее настороженный взгляд, объяснил: – Жена рассказала. Мария Стронева.

– А-а-а! – с облегчением покивала ему Ольга, потому что корпоративная солидарность – это все-таки великая вещь. – Значит, это вы. Я слышала, что у нее муж в полиции служит, но вы вроде бы убийствами занимаетесь?

– Это я, и занимаюсь не только убийствами, но и всеми резонансными делами. По Москве прокатилась волна краж, имеющих между собой много общего – мы называем это серией, вот мне и поручили этим заняться. И давайте перейдем к делу, а то вы сами сказали, что у вас мало времени. Как и когда вы обнаружили пропажу блюда?

Ольга немного помолчала, несколько раз взглянула на Льва, словно решая, говорить или нет, а потом решила: –

– Лев Иванович! Поскольку вы муж Марии, я не буду мо-

рочить вам голову, но надеюсь на взаимопонимание.

– Можете не сомневаться, если в вашей истории нет чего-то криминального, – заверил ее Гуров.

– Нет! – твердо произнесла Ольга и начала: – Вот вы ска-
зали про квартиру, которая Диме вернулась. Вы знаете эту историю?

– В общих чертах, и, должен сказать, вам очень повезло с адвокатом.

– В чем-то – да, в чем-то – нет. Под моим напором, потому что иначе мы бы все сроки пропустили, его нашел Дима через друзей своего отца, свел меня с ним по телефону, и дальше уже я с адвокатом общалась. Мужчина этот действительно очень дельный, и при внешней мягкости хватка у него мертвая. Он меня выслушал и заверил, что обязательно решит это дело в нашу пользу, но ему нужна доверенность. Дима ее подписал, и больше мы никаких хлопот не знали, нас даже на суд не позвали. Краем уха я слышала, что там были эксперты из числа ведущих медиков столицы, чье слово в определенных случаях является решающим. Когда все закончилось, мы с Димой повезли адвокату его гонорар. Конечно, я могла бы сделать это и сама, но...

– Нужно соблюдать правила игры: именно ваш муж – глава семьи, и никто другой.

– Вот именно. Я не хотела, чтобы друзья покойного Василия Дмитриевича плохо подумали о моем муже. Лично мне на их мнение плевать, я их не знаю и в этом кругу не приня-

та, как существо второго сорта, но вот Диме они могут быть полезны. Короче, мы отдали ему деньги, поблагодарили, а он... Он попросил об ответной услуге.

– Надеюсь, не у вас и не интимного характера?

– Да вы что? – рассмеялась Ольга. – Он вообще не по этой части!

– Как не по этой? – опешил Гуров, подумав: «А как же близкие отношения Овчинникова с Чистяковой? Выходит, это не он?»

– Ну, я чисто случайно знаю, что он крутит любовь с одним мальчишкой – эдакий томный красавчик, который у него на полном содержании.

Гуров, хмыкнув, заметил:

– Вот уж не думал, что у Краснова нетрадиционная ориентация.

– При чем тут какой-то Краснов? – удивилась Ольга. – Это Овчинников.

«Опаньки! Вот все и срослось! Но тогда он, получается, бисексуал!»

– Ничего мне не говорит, – покачал головой Лев. – Не слышал о таком. Но чем же вас так его встречающая услуга озадачила?

– Понимаете, он дал Диме конверт формата А4 без всяких надписей и попросил, в случае его внезапной насильственной смерти, открыть его и просто бросить другой конверт, что будет лежать внутри и уже с адресом, в почтовый ящик.

Будь я одна, я бы до этого конверта даже не дотронулась, и пошел он со своими секретами куда подальше!

– Но при этом был ваш муж, и вы ничего не могли сделать.

– Да! То, что началось дальше, я до сих пор не могу вспомнить без содрогания – надо же знать моего мужа. Он сыграл столько положительных героев, что уже просто в них переродился. Дима носился с этим конвертом, как дурак с писаной торбой. Прятал его то тут, то там, и каждое место казалось ему недостаточно надежным. А если учесть, что в доме четыре сорванца, которые всюду лазают, спасения от них нет, то жизнь превратилась в кошмар. Я поняла, что еще немного, и просто сойду с ума. Отобрала у него конверт и положила вместе с точно такими же, в которых храню различные квитанции, объяснив, что лист нужно прятать в лесу. Но Дима каждый день проверял, на месте ли он. В январе у нас выдалась свободная неделя, и я увезла всю семью в деревню – у моих родителей дом на Клязьме. Диму я забирала прямо со съемок, так что домой он не заезжал, а я перед уходом выбросила к чертовой матери тот конверт, а блюдо аккуратно упаковала и спрятала на антресолях. Пусть все выглядит так, словно в наше отсутствие здесь побывали грабители и украли блюдо и конверт.

– Ничего более ценного не нашлось?

– Чего?! Если только Димкины награды, но тогда у него точно случился бы инфаркт. Может, я и глупо придумала, но, знаете ли, опыта в таких делах не имею. Когда мы вер-

нулись, Дима первым делом бросился проверять, на месте ли конверт, а когда его не нашел, впал в истерику. Потом он увидел, что пропало блюдо, решил, что нас ограбили, и написал заявление в полицию.

– Овчинникову он сообщил, что конверт пропал?

– Тут же! Ужасно извинялся, что не смог его сохранить, только что не плакал. А тот его еще и утешал, говорил, что ничего страшного, и все в этом духе. И жизнь, слава богу, вошла в нормальное русло.

– Значит, вы не знаете, что было в конверте?

– Лев Иванович! – укоризненно сказала Ольга. – У меня на руках четверо детей и муж, который в практическом смысле мало чем от них отличается. Неужели вы думаете, что я не заглянула в него в первый же вечер? Неужели я допустила бы, чтобы у меня в доме была какая-то опасная вещь? Там внутри был конверт поменьше, адресованный Владимиру Владимировичу Владимирову, Москва, Главпочтамт, до востребования, а в нем – старая газета. Вот такой ценный был конверт, из-за которого мой муж от беспокойства с ума сходил!

– Ольга! Вы подумайте, как это сделать, но блюдо все-таки найдите, – попросил Гуров. – И пусть тогда Дмитрий Васильевич заберет свое заявление из полиции, чтобы нам с этим делом больше не возиться. Лично мне ясно, что ваш случай никакого отношения к серии не имеет, но нераскрытая кража висит на райуправлении и портит отчетность.

– Но тогда он поймет, что украли именно конверт!

– Господи! Да сделайте вы такой же! А потом, якобы случайно, его найдете и скажете, что перепрытали, но забыли куда, а теперь вот он нашелся.

– Чтобы он опять с ума сходил? – возмутилась Ольга. – Нет уж! Украли так украли! Мне легче блюдо выкинуть! А нераскрытых дел в райуправлении и без нашего заявления, наверное, немало, так что одним больше, одним меньше, погоды это не делает.

Гуров вышел из этого дома, и мысли у него в голове роились самые разные, но требовалось разобраться с остальными случаями, а главное, выяснить, не обращались ли эти люди тоже к Овчинникову. Эту фамилию ему никто больше впрямую не назвал, о существовании конверта даже не заикнулся, но у троих в прошлом имелись определенные юридические проблемы, которые чудесным образом разрешились, а вот в двух случаях имели место реальные кражи, без дураков – уж в этом-то Гуров разбирался. Объединяло эти происшествия только то, что похищенные вещи были небольшой ценности, но дороги владельцам как память, вот они и хотели их вернуть. Когда уже к вечеру Лев со Стасом и Петр собрались в кабинете Орлова, Крячко первым начал рассказывать о том, что узнал за день. У него получилось приблизительно то же самое, что и у Гурова, а когда Лев передал им свой разговор с Пивоваровой, Орлов подвел черту:

– Итак, что мы имеем? Можно предположить, что Овчин-

ников раздает эти конверты всем своим клиентам, в надежде на то, что хоть один или несколько дойдут по назначению, то есть послужат «спусковым крючком» для некоего действия.

– То есть важно не содержимое, а сам факт отправки такого письма? – уточнил Стас.

– Да! – кивнул Петр. – Предположим, раз в неделю некий гражданин по имени Владимир Владимирович Владимиров приходит на Главпочтамт и, если получает такое письмо, то уже знает, что надо дальше делать, но что именно?

– Знаете, я сейчас вспомнил, как Ольга Пивоварова сказала, что лист прячут в лесу, – начал Гуров, но Крячко перебил его:

– По-моему, это сказал какой-то писатель задолго до нее.

– Не блещи эрудицией, – подколот его Лев. – Суть не в том, кто это сказал, а в том, что очень уж это выражение к нашей ситуации подходит.

– То есть среди массы фальшивых писем могут быть и настоящие? – спросил Орлов.

– Могут, но не факт! – заметил Лев. – Одним он дает письмо для отправки Владимирову, другим – Иванову, третьим – Сидорову и так далее. Но по моим ощущениям – это просто отвлекающий маневр. Если Овчинников действительно располагает убийственным компроматом на кого-то, то он не может не понимать, что его постараются изъять. И он на «безупречную» работу нашей почты надеяться не будет! Это действительно где-то лежит, и, не исключено, хозяин действительно

не знает, что ему доверили.

– И именно это ищут «ниндзюки», – закончил его мысль Петр.

– Слушайте! А может, хватит меня за дурака держать! – возмутился Стас. – Неужели вы думали, что я не догадаюсь, что вы мне что-то недоговариваете? С каких пор вы стали от меня что-то скрывать? Вы мне больше не верите? Так, зад об зад, и разойдемся в разные стороны!

Орлов с Гуровым переглянулись, молчаливо согласились, что утаивать дальше от Стаса правду смысла нет, и Лев рассказал Крячко об обыске в доме Софьи Абрамовны, предупредив, что дальше этой комнаты информация уйти не должна.

– Ну, и чего было из этого тайны мадридского двора устраивать? – хмыкнул Стас и, помолчав, сказал: – Вот вы, мужики, такие умные-разумные, а простую вещь не поняли. Лично мне кажется, что Овчинников свою «нычку» держит в таком месте, о котором никому и в голову не придет подумать. И место это никаким образом с его клиентами не связано. Или «ниндзюки» чего-то недодумали, или уже все мыслимые места обыскали и теперь пошли просто частым гребнем чесать все, до чего дотянуться можно.

– Черт! Поговорить бы с кем-нибудь из адвокатов! – воскликнул Орлов.

– А не отправить ли нам засланного казачка? – предложил Гуров.

– К Овчинникову?! И думать не смей! – возмутился Петр.

– Нет, наоборот! К известному на всю Москву своей скрупулезной честностью адвокату. А дело придумаем уж очень дурно пахнущее, за которое порядочный адвокат никогда в жизни не возьмется, вот тут-то и можно будет у него про Овчинникова спросить. Что, мол, рекомендовали того как крупного специалиста по подобным делам, и так ли это на самом деле? Вот и узнаем, что о Владимире Николаевиче говорят.

Все переглянулись, а потом Орлов задумчиво проговорил:

– В принципе, можно. Кого пошлем? Только учти, что это должен быть человек, гарантированно никак не связанный с Овчинниковым.

– Да уж куда гарантированнее, – усмехнулся Лев. – Степка Савельев. Почему бы ему не попробовать урвать у собственного отца приличный кусок бизнеса?

– Ну, этот даже связанный, лежа на боку, дырку в полу провертит, – рассмеялся Орлов. – Но ты случайно не забыл, что он у тебя же в группе работает? Сиречь является сотрудником полиции.

– Много ли людей его в этом качестве в Москве знает? – возразил Лев. – Да и у нас он без году неделя. А вот его художества по клубам, когда он отцовские деньги просаживал и на «Бентли» развезжал, многие помнят. Я бы и на Овчинникова его не побоялся выпустить.

– Выбрось эту мысль из головы! Если забыл, так я тебе

напомню, что он в отпуске по семейным обстоятельствам! – встрял Стас. – У него жена со дня на день должна родить! Ему сейчас не до работы!

– Ну, во-первых, не самой же ей рожать – это будет кесарево сечение, говорят, что при ЭКО всегда так делают. А во-вторых, на один-единственный день он может из семьи вырваться, – настаивал Гуров. – Зато мы будем иметь полный расклад по Овчинникову.

– А зачем это нам? – вдруг спросил Крячко. – Объясните мне, недалекому, мы-то в этой истории с какого боку? «Искюйством» ради «искюйства» занимаемся? Я, в отличие от тебя, Лева, в облаках не витаю и приключений на собственную задницу не ищу! Я на земле двумя ногами стою. То, что ты Петра своим авантюризмом заразил и он теперь весь на азарте и низком старте, понимаю – он всегда к тебе слабость имел и во всем поддерживал. Но сейчас-то какого черта впрягаться? Что мы имеем? Есть «черный» адвокат, который, используя свои связи с криминалом и компромат на каких-то неустановленных лиц, решает проблемы людей, в том числе и малоимущих, причем бесплатно. Есть лица, заинтересованные в том, чтобы этот компромат изъять, и они неустанно его ищут. Мы будем болтаться в этой истории, как хрен в клубничном компоте. Чтобы было понятнее, выражусь прямо: мы в этом деле лишние! Лева! Я тебя чертову прорву лет знаю. То, что тебе всегда хочется победителем быть, для меня не новость. И к тому, что тебе нужно

всем и в первую очередь самому себе постоянно доказывать, что ты лучший из лучших, мы уже привыкли. Согласен, дело необычное, ты, как охотничья собака, сделал стойку и рванул по следу, только очень тебя прошу: остановись, пока не поздно! Это не наша охота! Это не наша дичь! Мы на чужое поле влезли!

Крячко замолчал. Молчали и Петр со Львом – возразить им Стасу было нечего. В тандеме Гуров – Крячко имевший аналитический склад ума Лев был лидером, но при этом и увлекающейся, склонной к авантюризму натурой, а Стас своей приземленностью и здравым смыслом его уравнивал. Вот и сейчас он, конечно, со всех сторон прав, но признать это было свыше сил Гурова, поэтому он поднялся и, не прощаясь, вышел. Петр и Стас остались одни, и Крячко спросил:

– Я сказал что-то не то?

– Ты все правильно сказал, Стас, – вздохнул Орлов. – Это действительно не наша охота. Самое главное, чтобы Лева не отправился охотиться в одиночку.

– Одинокий воин прерий, блин! – не сдержался Крячко. – Супермен, мать его! Знаешь, Петр, я от него устал! Не оттого, что всю жизнь играю при нем роль второго плана: он солирует, я подпеваю! Я от закидонов его устал! Его вечно на подвиги тянет, а мы потом его вытаскиваем! И ведь если он сейчас во что-то вляпается, мы опять бросимся его спасать!

– А если ты вляпаешься, то мы с Левою будем тебя вытас-

кивать! Или такого не было? – спокойно парировал Петр, и Стас отвернулся. – То-то же! Потому что дружба – понятие обоюдное! Но ты прав – Лева заигрался! Ты Степку предупреди, чтобы он был рядом с женой и ни на какие провокации Гурова не поддавался.

– Я позвоню, – пообещал Крячко и ушел.

А вот Орлов, глядя на закрывшуюся за ним дверь, тяжело вздохнул, потому что ни малейшей уверенности в том, что Савельев послушается именно Крячко, а не Гурова, у него не было.

На следующий день, встретившись утром в кабинете, Лев и Стас перекинулись парой фраз и разъехались в разные стороны: оба продолжали изображать, что разбираются с серией краж. Крячко действительно ездил по райуправлениям, изучал дела и разговаривал с операми, и при этом постоянно с надеждой думал о том, что Степан все-таки ввязываться в эту аферу не станет.

А вот Гуров... Он тоже изображал бурную деятельность, а сам каждую минуту ждал звонка. Еще вчера он поговорил со Степаном, и этот парень, несмотря на возраст, прошедший огонь, воду и чертовы зубы, чей авантюризм превосходил гуровский на порядок, тут же загорелся и обещал помочь, но при этом предложил свой план, с которым Лев, подумав, согласился. Когда же телефон наконец зазвонил, он облегченно выдохнул – все-таки очень волновался за Степана, и они

договорились встретиться на Воронцовских прудах.

– Ну что, Лев Иванович, – начал рассказывать Савельев. – Поездил я этой ночью по клубам, старые связи восстановил и кое-что нарыл. Запустил я, как мы и договаривались, слухок о том, что собираюсь от папаша отделиться, потому что достал он меня своей опекой, но уйти хочу не с пустыми руками, а как это сделать, не знаю.

– Отец-то в курсе? – спросил Гуров.

– Конечно, – удивился Степан. – Не хватало еще, чтобы до него стороной эти слухи дошли. Я ему объяснил, что это надо в интересах следствия, вот он и согласился, – объяснил парень и продолжал: – И посоветовал мне один человек к Овчинникову обратиться, потому что тот специалист по невозможному. Деятельность свою он никак не афиширует, но те, кому приспичит, дорогу к нему всегда найдут, потому что язык до Киева, и так далее. Из того, что он мне рассказал, я понял, что Овчинников действительно «черный» адвокат, и связи у него совершенно офигительные, причем не только в криминальных кругах. Ходит он прямо-таки по лезвию, но ни разу, гад такой, не оступился. Берется за такие грязные дела, что до них и в перчатках дотронуться побрезгуешь, и всегда доводит их до конца! Интересы клиента для него – непреложный закон! Врагов у него, как у сучки блох, но сделать они с ним ничего не могут. Словно дьявол его бережет!

– По клиентам хоть что-нибудь выяснил?

– А там, как в Ноевом ковчеге, каждой твари по паре: от

бомжей, которых на квартиру «кинули» и они на улице остались, до бывших братков и вообще уголовников, которые теперь «косят» под честных бизнесменов, или действительно порядочных людей, которых нужда прижала так, что они бы и к черту за помощью обратились.

– То, что он бисексуал, известно?

– Да кого это сейчас волнует? – усмехнулся Савельев. – Времена изменились, и нравы изменились вместе с ними! Я попробовал на этой струне сбачать что-нибудь типа: не люблю общаться с мужиками, которые присматриваются ко мне с нехорошим корыстным интересом, а мне ответили, что я тогда дурак законченный и ничего в жизни не понимаю, раз не могу отделять бизнес и личные дела. Мне целую лекцию прочли на тему «Что такое «голубое лобби» и с чем его едят».

– И кто же тебе лекцию прочитал? – поинтересовался Гуров.

– Парень один, причем натурал. Он сам из провинции, родные его до нитки распродались, чтобы хоть какую-нибудь квартирешку ему в Москве купить, да налетели на жуликов, которые на рынке жилья уже давно и успешно действуют, потому что у них все схвачено. Короче, ни денег у парня, ни квартиры, ни перспективы хоть что-то из этого вернуть. Вот ему и посоветовали обратиться к Овчинникову, и тот все деньги до копейки из этих жуликов вытряс плюс моральный ущерб, так что парень сейчас при собственной жилплощади.

Он и объяснил мне общедоступным языком, что «голубое лобби» по силе своего влияния и возможностям превосходит даже то, которое приписывают масонам, и, став его членом, человек автоматически получает поддержку этого общества, а его представители есть абсолютно везде. Овчинников в этом сообществе человек далеко не последний! И его клиенты, даже будучи в курсе его ориентации, обращаясь к нему, понимают, что для решения их проблем он, в случае необходимости, прибегнет к помощи этого сообщества. Так что людям глубоко безразлично, какого он цвета: голубого, розового, желтого в крапинку или зеленого в полосочку. Они приходят к нему со своими проблемами, которые он успешно решает, а остальное их не колышет.

– Н-да! Негусто! – вздохнул Гуров.

– Это сейчас пусто, зато потом будет густо, – многозначительно пообещал Савельев. – Я с Овчинниковым через полчаса встречаюсь.

– А вот этого я тебе не поручал! – вдруг резко проговорил Лев. – Отменяй встречу!

– Да бросьте вы, Лев Иванович! – поморщился Степан. – Все будет нормально! Мне уже самому интересно посмотреть, что это за зверь такой! Допрос я ему устраивать не собираюсь, двусмысленных вопросов задавать не буду. Поинтересуюсь, возможно ли в принципе решение моей проблемы, и все! Надеюсь, вы не думаете, что он меня съест? Тем более что встреча назначена в людном месте, в баре.

– Да ты сам кого угодно с башмаками слопаешь и не поперхнешься, – хмуро бросил Лев. – Но встречу отменяй!

– Лев Иванович! – чуть не взвыл парень. – Это ведь будет еще опаснее, чем наша встреча. Сначала я изо всех сил ищу пронырливого адвоката, способного мне помочь, а когда нахожу и назначаю с ним встречу, почему-то отменяю ее в последний момент.

Гуров внимательно посмотрел на Степана, подумал и... согласился!

– Хорошо! Но говори только по делу и без импровизаций! Можешь ли ты оттяпать у отца часть денег или бизнеса, и все! Надеюсь, никакой записывающей аппаратуры у тебя при себе нет? – Степан безмолвно выразил крайнюю степень возмущения таким недоверием. – Вот и хорошо! Где встречается?

– Здесь недалеко, в «Мехико». Я этот бар хорошо знаю, входы-выходы и все остальное.

– И он вот так сразу согласился? Свое место встречи не предлагал?

– Нет! Сказал, что желание клиента – закон для адвоката.

– В общем-то, он прав, – кивнул Гуров. – Ладно, иди! Я буду ждать тебя здесь – не думаю, что ваша беседа затянется надолго. Если же ты по каким-то причинам задержишься, дай знать.

– Ага! Котик позвонит мурочке, – усмехнулся Савельев.

– Во второй раз уже не смешно, – поморщился Лев.

Савельев ушел, а Гуров принялся наматывать круги по дорожкам парка, тем более что погода расщедрилась, и выглянуло солнышко. И чем больше он гулял, тем яснее понимал, что ввязались они в страшную авантюру. Нельзя было допустить эту встречу! Нужно было ее все-таки отменить, и пусть бы Степан потом выкручивался, как умеет, за свою самостоятельность. Как же беспокойно было на душе у Льва! Какими только словами он себя не проклинал! Счастье великое, что ему не пришлось долго ждать, потому что встреча действительно оказалась короткой, но, когда Савельев позвонил и сказал, что ждет Льва Ивановича на прежнем месте, Гуров еще не предполагал, какой неприятный сюрприз его ждет. Едва взглянув на лицо Степана, Лев тут же все понял и потребовал подробностей. Тот начал рассказывать, постоянно срываясь на крик и мат.

– Короче, вошел я в бар, и бармен, который меня уже знает, показал мне на дальний угол – мол, меня там уже ждут. Столики там ширмами с трех сторон огорожены, так что некое подобие рiвасу имеется.

– Словечко от кого подцепил? От жены или от тестя? – хмуро поинтересовался Лев.

– Какая разница? В общем, подошел я туда, а за столиком мужик сидит, на вид лет пятьдесят, и до того холен, что смотреть противно. И прикид у него весь фирменный! И стрижекa с маникюрчиком такие, что словно он пять минут назад из салона вышел! И экспаньолочка аккуратнень-

кая! Одним словом, лорд английский по сравнению с ним – наш бомж помоечный. А уж самодовольный, словно кот, который только что миску сметаны оприходовал. Привстал он с улыбочкой сладенькой, место напротив себя мне показал и по имени-отчеству обратился. Не успел я сесть, как он мне вопрос вежливый, как, мол, здоровье моей дражайшей супруги? Не тяжело ли ей в таком возрасте двойню вынашивать? И голос у него такой мягкий, обволакивающий, словно в вату меня заворачивает. Я ему в ответ, что все нормально. А он мне на это, что дело у меня, видимо, действительно безотлагательное, раз я решился оставить ее в такой момент для встречи с ним.

– Естественно, ему сообщили, что ты подходящим человеком интересовался, – заметил Гуров. – Вот он о тебе справки и навел.

– И даже не можете себе представить, до какой степени, – хмуро бросил парень. – В общем, объяснил я ему, что нужда меня заставила искать человека, который помог бы мне решить мои проблемы. А он мне в ответ, радостно так и с полной готовностью расшибиться ради меня в лепешку, заявил, что я его уже нашел, и он самым внимательным образом слушает, что у меня случилось.

– Надеюсь, ты сказал ему только то, о чем мы договаривались?

– Лев Иванович! – возмутился Степан. – Да за кого же вы меня держите? Я ему сказал, что не хотел бы пока пускать-

ся в подробности, но мне важно знать только одно: есть ли у меня уже сейчас возможность получить часть бизнеса моего отца либо денежный эквивалент. И тут он мне в ответ такое, что я распоследним дураком себя почувствовал. Цитирую близко к тексту: «Я вас понимаю, Степан Николаевич. Вы встретились со своим отцом, будучи уже взрослым, выросли без него, так что особо теплых чувств к нему не питаете. Сейчас, в силу ряда обстоятельств, вы вынуждены жить в примаках у тестя, что вас угнетает, потому что со своей зарплатой лейтенанта полиции вы себя чувствуете там на хлебником. Кстати, не думаю, что ваш наставник, господин Шурган, одобрил бы выбор вами такой профессии – он ведь всегда находился по другую сторону баррикады. Но это так, ремарка в сторону». Я попытался выкрутиться, сказал, что Шурган действительно не одобрил бы это, но я уже и сам понял, что это не мое, потому-то и решил уйти, но не в никуда, а на заранее подготовленные позиции. Жить у моих родителей мы с женой не можем, оставаться вечно в доме тестя – тоже не лучший вариант, так что нужно в первую очередь решать проблему с жильем.

– И тут он напомнил тебе о твоей квартире, – сказал Лев.

– Точно! А я ему ответил, что детям нужен свежий воздух.

Он мне понимающе покивал, и я уже подумал, что обошлось, а он мне вопрос: «Почему вы думаете, что ваш батюшка откажется выделить вам некоторую сумму на обустройство быта и для развития бизнеса, если вы решите таковым заняться».

ся?» Я отговорился тем, что не те у нас отношения. И вдруг он выдал такое, что сам себе удивляюсь, как морду ему не набил.

– Давай дословно, – потребовал Лев.

– Он сказал, что у меня хороший аппетит, но придется меня разочаровать – проблемой моей он заниматься не станет. Решение окончательное, и объяснений не будет. А потом попросил не счесть за труд и вам, то есть полковнику полиции Льву Ивановичу Гурову, от него поклон передать, потому что, хоть и шапочным было ваше знакомство, но он хочет засвидетельствовать вам свое почтение. И елейно так добавил, что не смеет меня больше задерживать, потому что вы меня с отчетом ждете, а терпение начальства испытывать не стоит. Да и жена меня заждалась. Чего попусту с ним время терять? И ведь все это самым мягким и доброжелательным тоном! Не придерешься! Сидел я и чувствовал себя нагадившим в хозяйские тапочки котенком, которого мордой в собственное дерьмо тычут. Вот! – Степан показал Гурову свои руки, где на ладонях были видны следы впившихся в них ногтей. – Меня от ненависти так трясло, что я даже зубы сжал, чтобы не клацали. Чего мне стоило взять себя в руки, только Бог знает! Но я ему все-таки спокойно заметил, что он все неправильно понял. А он мне на это извиняющимся тоном: «Значит, начал уже из ума выживать. Уж простите старика». Лев Иванович! Да я такого унижения никогда в жизни не испытывал!

Гуров молчал, обдумывая все услышанное, а Степан нервно закурил, заметив при этом: «Бросишь тут!» Лев же с каждой минутой все более отчетливо понимал, как правы были Стас и Петр – это действительно была чужая игра. А он, идиот, не имея даже малейшего представления о правилах, вломился в нее, как слон в посудную лавку, и начал там все крушить. И каким боком теперь выйдет ему эта авантюра, пока неизвестно, но вот в том, что ничего хорошего его не ждет, он был уверен на тысячу процентов.

– Степа! Я совершил большую ошибку, обратившись к тебе с подобной просьбой, – сказал Лев. – Я не должен был втягивать тебя в эту историю. Да и мне не стоило в нее соваться!

– При чем здесь вы, Лев Иванович? Это я сам виноват, что встречу самовольно назначил. Надо было действительно ее отменить под каким-нибудь благовидным предлогом – в пробке, мол, стою! Я виноват, мне и отвечать!

– Успеешь еще наотвечаться в жизни и за свои грехи, и за чужие, – устало ответил Лев. – А выкручиваться буду я сам. Езжай к жене – ты там сейчас нужнее. Слава богу, что Орлов и Крячко не в курсе! Хоть о них мне беспокоиться не надо.

– А Овчинников в курсе, что они не в курсе? – язвительно спросил Савельев.

Лев ругался очень редко, но сейчас не сдержался. Как он мог об этом не подумать? Ведь абсолютно все знают, что они, трое, неразлучные друзья, а это значит, что Петр и Стас по

определению не могут оставаться в стороне. У Гурова был только один выход: обо всем рассказать им, потому что предупреждены – значит, вооружены. Он представил себе, что наговорят ему друзья, причем совершенно заслуженно, но другого пути не было.

– Все! – сказал он Степану. – Езжай домой! А я понес свою повинную голову в управление – надо мужиков предупредить.

Крячко сидел в их кабинете и составлял какую-то одному ему ведомую таблицу краж – он привык относиться к делу серьезно. Подняв глаза на вошедшего Гурова, Стас сразу понял, что дело запахло жареным – нечасто ему приходилось видеть своего друга в таком раздрыганном состоянии. Лев скинул куртку и позвал его:

– Пошли к Петру.

Крячко даже не стал спрашивать, что случилось – и так ясно, что нечто экстраординарное. Петр, увидев их, тоже лишних вопросов задавать не стал – раз пришли, сами скажут. Старательно не глядя на друзей, Гуров рассказал им все без утайки – чего уж тут секретничать, когда по его милости все могут пострадать. Орлов и Крячко слушали его молча, без комментариев, охов и ахов, а когда он закончил, Петр печально сказал:

– Ну, то, что ты с шашкой наголо вперед рванул, не удивляюсь. Горбатый, могила, лопата – это про тебя. Что нас всех,

не раздумывая, вместе с собой под каток затащил, тоже не новость – эгоизм у тебя уже давно из всех дыр фонтаном бьет. А вот то, что варианты начал считать не до, а после, это совсем плохо. Стареешь, значит. А сейчас уйди, Лева! Не хочу тебя видеть! – И, увидев, что Гуров хочет что-то сказать, повторил: – Уйди, пожалуйста!

Гуров вышел из кабинета как оплеванный и поплелся к себе, а вот Крячко, прежде чем уйти, невесело заметил:

– Петр! Ты, кажется, говорил, что дружба – понятие обоюдное? Так вот, это больше не про Леву!

Он не пошел обратно к себе, а завернул на лестничную площадку, где, несмотря на строжайший запрет, все равно курили. Стрельнув сигарету и отойдя в сторонку, стоял, курил, смотрел в окно и думал о том, как жить дальше, потому что по-прежнему уже не получится. Когда Стас вернулся в кабинет, Лев, почувствовав запах табака, удивленно посмотрел на него, но тот сделал вид, что вообще один в комнате, и он не решился ничего спросить.

Едва досидев до шести часов, Гуров встал и поехал домой. У него было яростное желание не просто напиться, а нажраться до провалов в биографии, но это было бы проявлением слабости и малодушия, которое он себе позволить не мог. У Марии был спектакль, так что вернется она поздно, и Лев, пользуясь ее отсутствием, метался по квартире, пытаюсь найти выход из положения, а тот решительно отказывался находиться. О том, чтобы поужинать, он даже думать не

мог, хотя не успел днем пообедать. Встретаться с женой ему не хотелось категорически – за годы совместной жизни они изучили друг друга так, что она тут же поняла бы, насколько ему муторно, а объясняться с ней и что-то выдумывать желания не было. Оставалось последнее средство, и, покопавшись в аптечке, Гуров нашел снотворное, которое Мария иногда принимала, так что, вернувшись, она застала его уже спящим.

Пробуждение было безрадостным. Погода выдалась – на загляденье: и небо ясное, и солнышко светит, и легкий ночной морозец подсушил мокрый асфальт, но мысль о том, в какое положение он поставил не только себя, но и своих друзей, отравляла существование. Без энтузиазма, вяло делая утреннюю гимнастику, Гуров машинально прислушивался к включенному женой на кухне телевизору и вдруг услышал такое, что не поверил своим ушам и, с грохотом бросив гантели, рванул на кухню. Ведущая утреннего выпуска новостей уже перешла к следующему сюжету, и Лев вцепился в жену:

– Маша! Мне послышалось или она действительно сказала, что вчера вечером было совершено нападение на владельца адвокатского агентства Овчинникова?

– Да, было такое, – подтвердила она, глядя на поднимающуюся над туркой пену. – Я невнимательно слушала, что-то вроде того, что он из ресторана выходил, а его кто-то ножом ударил. – Тут раздалось шипение, и Мария, в последний момент успев снять с плиты турку, возмутилась: – Господи! Что

ты ко мне привязался! Приедешь на работу и все в подробностях узнаешь! Чуть кофе из-за тебя не сбежал!

– Маша! Ты прелесть! – воскликнул Лев, чмокнув ее в щеку, и бросился к телефону. – Петр! Ты уже знаешь?

– Слышал, – буркнул тот.

– Делай, что хочешь, но это дело должен вести я! – потребовал Гуров.

– Ты еще не наигрался в казаки-разбойники? – хмуро поинтересовался тот.

– Реабилитироваться хочу, – объяснил Лев. – И в этом ты мне отказать не можешь!

– Я подумаю, – пообещал Орлов и положил трубку.

– Ты что-то натворил? – тут же любопытствовала Мария – уж такие вещи ни одна жена не пропустит мимо ушей.

– Все мы творцы своего несчастья, – отшутился Гуров и стал бодро собираться на работу.

В управление он приехал задолго до девяти и, взяв сводку происшествий за сутки по городу, поднялся в свой кабинет и начал искать в сводке информацию про Овчинникова, но ее почему-то не было. Не веря своим глазам, он самым внимательным образом прочитал все от начала до конца, но ничего не нашел. «Что за черт? Откуда же тогда она взялась в утреннем выпуске новостей? Они же данные из ГУВД получают! Или это кто-то из телевизионщиков решил так по-идиотски пошутить над Овчинниковым? Ох и дорого же ему эта шутка

обойдется!» Чтобы не мучиться дальше, Лев позвонил своему приятелю-телевизионщику Сашке Тюрину, подняв его с постели – тот был классической совой.

– Саша, скажи мне, может кто-то из ведущих выдать в эфир непроверенный материал или откровенную отсебятину?

– Конечно, – сладко зевнул тот. – Если хочет мгновенно и скандально навсегда распрощаться с телевидением, кто же ему запретит? А что случилось?

– Понимаешь, сегодня утром в новостях сказали, что вчера было совершено нападение на владельца адвокатского агентства Овчинникова, а у нас в сводках этого нет. Выясни, как это к вам попало, и тогда я тебе прощу то, что ты меня на Маше женил.

– Эксплуататор и шантажист! – буркнул Тюрин. – Перезвоню!

– И побыстрее!

В ожидании звонка Гуров разгуливал по пустому в этот час коридору, пытаясь понять, откуда у этого нападения ноги растут, хотя это было делом заведомо бесполезным – информации-то ноль. Саша позвонил, когда терпение Льва было уже на исходе, но с новостями.

– Слушай, Лева! Это произошло возле ресторана «Жаркая ночь». Сам понимаешь, все хотят подработать, и нам периодически сливают «горячую» информацию. Вот и там работает какой-то «доброволец». Он позвонил и сообщил, что

только что на стоянке ударили ножом их постоянного клиента адвоката Владимира Николаевича Овчинникова, которого его друг повез в больницу. Новость была не из разряда «горячих», спецвыпуска не требовала. Выпускающий проверил по Интернету, что такой адвокат в Москве действительно есть, и информация прошла в утренних новостях, в разделе криминальной хроники, потому что на адвокатов нечасто нападают.

Дверь в приемную Орлова была еще заперта, и Гуров, усевшись на подоконник, стал дожидаться Петра, одновременно пытаясь понять, почему это происшествие не попало в сводку. Врачи в любом случае обязаны были сообщить в полицию о ножевом ранении. Хотя, если ранение легкое, адвокат мог уже в машине переиграть ситуацию, позвонить кому-то из своих клиентов-врачей, а они у него все сплошь светила, и получить медицинскую помощь частным образом. Но почему работники ресторана не вызвали наряд?

Первой пришла, естественно, много лет проработавшая с Орловым секретарша, с которой у Льва давно уже сложились прекрасные отношения, так что он тут же переместился в приемную, где был даже напоен чаем с домашним печеньем, а вот Петр все не появлялся. Когда же наконец он возник у своего кабинета, взгляд его любовью к Гурову совсем не лучился, он просто сухо бросил:

– Дело о нападении на Овчинникова ведешь ты. Там совершенно непонятная ситуация, вот и разбирайся! Ты такие

дела любишь! Но адвокат сам на звонки не отвечает ни по одному телефону, в его офисе все уже на ушах стоят – не было еще такого случая, чтобы он не предупредил, если задерживается. Езжай в район, благо он тебе уже знаком – начальника предупредили. Поговори с людьми, план оперативно-розыскных мероприятий подготовишь к обеду. Полномочия тебе даны широчайшие, но и сроки минимальные.

– Я буду работать один, чтобы тебя со Стасом не подставлять, – твердо заявил Гуров.

Орлов ответил ему таким взглядом, словно хотел спросить: «А ты что, еще не подставил?» Не выдержав, Гуров отвернулся, а Петр тем временем ушел к себе.

В райуправлении при виде Льва опера скривились так, словно уже неделю питались одними лимонами, причем вместе с кожурой.

– Товарищ полковник! Если вы по кражам...

– Отставить кражи! – рявкнул Лев. – Это была легкая разминка перед боем! Будем работать по нападению на господина адвоката Овчинникова. Вчера на стоянке возле ресторана «Жаркая ночь» его ударили ножом. Почему работники ресторана не вызвали наряд, неизвестно. Друг Овчинникова повез его в больницу, но, видимо, по дороге что-то случилось, потому что ни в одну больницу он не доехал – иначе медики сообщили бы в полицию, и происшествие попало бы в сводку, а этого нет. К тому же покушение на адвоката – это,

чтоб вы знали, не хухры-мухры!

Как оказалось, хвоста начальнику райуправления уже накрутили до такой степени, что он отдал под начало Льву всех оперов и криминалистов! И работа закипела! Мобилизовав всех и оставив свою машину возле управления, Гуров, как в далекой молодости, разъезжал, не чинясь, вместе с операми на их машинах, что было и быстрее – включил сирену, и никакие пробки тебе не страшны. Весь день он провел на ногах, лопая вместе с операми то шаурму, то пирожки, то заботливо приготовленные для кого-то женой бутерброды.

Вопросы Гурова были краткими и точными, распоряжения – понятными даже для дебилов. Забыв обо всех обидах, опера носились как ошпаренные, потому что такой мастер-класс, как работа под непосредственным руководством Гурова, действительно живой легенды МУРа, не каждый день бывает – он ведь не только приказывал, но и объяснял, почему и зачем нужно что-то сделать. Тут только успевай впитывать бесценный опыт, как сказали в каком-то сериале. План оперативно-розыскных мероприятий был составлен в считанные минуты на ходу – Гуров его просто продиктовал между делом молоденькому оперу по имени Саша, который смотрел на него широко открытыми глазами и ловил каждое слово. План, кстати, был отправлен Орлову по факсу, чтобы не терять время на разъезды.

Ресторан в этот ранний час был еще закрыт, работали только уборщицы и кухня, а вот управляющий, как ему и по-

лагается, оказался на месте. Демонстрируя и лицом, и фигурой полнейшую готовность сотрудничать по всем направлениям, он только умолял не поднимать шума, потому что иначе хозяин его убьет без долгих разговоров – скандал никому не нужен. Узнав имя владельца ресторана, Гуров только хмыкнул – новоявленный бизнесмен из бывших «братков» действительно мог это сделать. Лев сначала просмотрел, а потом изъясил запись с камеры наружного наблюдения и, выяснив адрес работавшего вчера охранника, жившего, к счастью, недалеко, отправил к нему опера с четким приказом:

– Найти! Позвонить мне на сотовый, и я скажу, куда его доставить целым, невредимым, вменяемым! Выполняй!

Затем послал часть оперов обследовать проходной двор, которым, судя по записи, ушел нападавший, сказав при этом:

– Ищите свидетелей! Преступник не мог испариться, его обязательно должен был кто-то видеть. Собачники, гулявшие со своими питомцами, рывшиеся в мусорных баках бомжи, развлекавшиеся недоросли. Двенадцать часов ночи в Москве – совсем не то время, когда на улице ни души. Обход всех квартир, окна которых выходят во двор, – обязательно. Задания делите, как хотите, но самое позднее к вечеру результат должен быть! Если что-то выясните раньше, звоните! Победителю – конфетка!

Сашу, который так и не сводил с Гурова восхищенного взгляда, Лев оставил себе, как он выразился, «для поручений». Опера, усмехаясь, ушли, а Гуров, выяснив, кто из на-

ходившихся вчера вечером в ресторане работников сейчас на месте, вцепился в них как клещ, но на выходе был практически ноль. Они обо всем узнали постфактум, уже от охранника, но сами ничего не видели. Отпустив перепуганных людей, Лев принялся «вытрясать душу» из управляющего, пытаясь понять, почему никто не вызвал полицию. И тот, краснея и запинаясь, предположил, что охранник, видимо, зная отношение хозяина к скандалам и дорожа своим местом, не рискнул позвонить. А может, ранение показалось ему не тяжелым.

– Он что, по образованию врач? – взорвался Гуров.

Он хотел было объяснить управляющему, что именно будет и с ним, и с охранником, как зазвонил его сотовый. Это был опер, посланный им за охранником, который интересовался, куда привезти подозреваемого. Вскоре они были уже в ресторане, и парень, перепуганный до полусмерти, отвечал на все вопросы как на духу.

– Честное слово, товарищ полковник! Я хотел и «Скорую», и ментов... простите, полицию вызвать. Но этот мальчишка сам отказался! Сказал, что «Скорая» когда еще придет, он сам Володечку в больницу отвезет.

– В какую больницу? – напирал на него Лев.

– У нас тут есть недалеко одна, я объяснил ему, как туда ехать. Да и ранение было легким, ей-богу! – уверял Гурова охранник. – Крови-то немного было! Овчинников рану рукой зажимал!

– Снаружи могло не быть, а внутреннее кровотечение? – рывкнул на него Лев. – А полицию почему не вызвал?

– Так опять же парень слезно умолял этого не делать. Объяснил, что не может допустить, чтобы имя Володечки было связано со скандалом.

– Заплатил? – напрямую спросил его Гуров, и тот, по туپьясь, кивнул. – Больше никаких происшествий не было? Пусть даже по мелочи!

– Да нет, – неуверенно пожал плечами охранник.

– Вспоминай! Ну, не бывает так, чтобы совсем ничего не было!

– Ну-у-у, на стоянке у машины одной колесо спустило, так это дело обычное. Эти двое-то как раз и вышли, когда мужик запаску ставил.

Узнав адрес больницы, Гуров вместе с Сашей помчались туда. В приемном покое все делали большие глаза и уверяли, что никакого Овчинникова к ним не доставляли. Пришлось «брать за грудки» главврача, который, не выдержав напора, признался, что да, ему доложили утром, что ночью в больницу привозили раненого, но тот скончался еще в своей машине, а поскольку официально он к ним не поступил, тем более что собственного морга в больнице нет, труповозка забрала его в бюро судмедэкспертизы, а человек, который его привез, сейчас находится у них в неврологии, потому что после перенесенной психологической травмы неадекватен. Лев тут же позвонил в морг своему приятелю и попросил того

не только лично, но и срочно заняться трупом Овчинникова, чтобы заключение было готово уже к вечеру. Выяснив адреса и телефоны дежуривших ночью врачей и медсестер, он отправил к ним оперов с наказом не церемониться, а сам, несмотря на возражения врачей, прорвался в палату друга Овчинникова, который назвался Беловым – никаких документов при нем не было, потому что его борсетка осталась в машине. Это оказался, как и говорила Ольга Пивоварова, очень смазливый, томный, длинноволосый парень, но сейчас он бился в истерике, плакал, заламывал руки, но Лев, хоть и в присутствии врача, все-таки смог его, пусть пока и коротко, допросить...

Гуров так стремительно ворвался в больницу, что даже не обратил внимания на то, стоит ли возле нее «Лексус» Овчинникова. Сейчас же, выйдя на улицу, он увидел, что машин на стоянке много, но вот никакого «Лексуса» среди них не было, зато имелась камера наблюдения над дверью приемного покоя. И тут оказалось, что она давно уже сломалась и висит больше для вида и устрашения, потому что на ее ремонт денег нет. Высказав главврачу, который все это время семенял за ним по пятам, все, что он думает об этом богоугодном заведении, Лев подал машину в угон. И это было оправданно – если кто-то знал о неисправности камеры, то грех было этим не воспользоваться и не угнать, чтобы потом разобрать на запчасти.

В общем, Гуров прошелся по больнице разрушительным

тайфуном, и после его ухода в коридорах и кабинетах еще долго пахло корвалолом. Сам же он вернулся в проходной двор возле ресторана, облазил его весь вместе с операми, а потом они пошли искать камеры наружного наблюдения на другой улице – где-то же преступник должен был «засветиться».

В общем, день прошел напряженно, а вечером, когда все снова собрались в управлении, приблизительная картина преступления уже вырисовывалась. Приблизительная потому, что очень странно выглядело.

– Итак, что мы имеем? – спросил Гуров. – Кто начнет?

Уже знакомый Льву капитан поднялся, откашлялся и начал говорить, а вот остальные опера сидели, повесив уши на гвоздь внимания, с блокнотами в руках, готовые не то что записывать поручения Гурова, а конспектировать каждое его слово.

– Потерпевший вместе со своим другом Беловым пришел в ресторан «Жаркая ночь» приблизительно в 20.30. Внутри никаких инцидентов не было, они мирно сидели, ели, о чем-то весело беседовали, и все. Ориентировочно в 23.50 Овчинников расплатился, они вышли из ресторана и направились к его машине, но дойти до нее не успели. Благодаря записи с камеры мы имеем точное время нападения – 23.56 и полную картину преступления. Неустановленное лицо вышло им навстречу из-за припаркованной рядом с «Лексусом» Овчинникова машины и почти тут же нанесло потерпевшему

один удар ножом, после чего, выдернув орудие преступления, скрылось с места происшествия через проходной двор.

– Внесу дополнение, – перебил его Гуров. – Со слов Белова я знаю, что преступник спросил у потерпевшего: «Ты помнишь меня? – И, не дожидаясь ответа, добавил: – Получай окончательный расчет!» Мат я опускаю. Продолжайте!

– Белов начал орать, на его крик выскочил охранник, который утверждает, что в тот момент потерпевший был еще жив и в сознании, он зажимал рану рукой и стонал. Охранник предложил вызвать «Скорую помощь», но Белов отказался, сказав, что она не успеет, он сам отвезет Володечку, – подчеркнул капитан, – в больницу, и спросил, где находится ближайшая. Охранник объяснил ему, как туда ехать, и предложил разложить переднее пассажирское сиденье, что и сделал, а Белов застелил его своим плащом. Совместными усилиями пострадавший был положен в машину, и Белов уехал.

– С этим ясно, – сказал Гуров. – Кто ездил к врачу и медсестре? И докладывайте сидя, а то и так весь день на ногах.

– Я ездил, – отозвался другой опер. – В ту ночь в приемном покое больницы дежурила врачиха, лет семьдесят ей точно есть, но она – теща главврача, потому и держат. Сидели они дружной компанией: она, медсестра и охранник, и чай распивали. И тут к ним Белов ворвался, как ненормальный кричал, что у него в машине тяжело раненный человек, которому нужна срочная помощь. Хватал ее и медсестру за руки и тащил на улицу, одним словом, истерил. Охранник

попытался вывести Белова из приемного отделения, но тот уцепился руками за дверь и отчаянно сопротивлялся. Поняв, что им не отделаться, врачиха велела охраннику помочь переложить раненого на каталку, чтобы потом завезти внутрь. Но тот, сославшись на преклонный возраст и то, что это не входит в его обязанности, отказался. Тогда врачиха послала медсестру на поиски санитаря. Пока его нашли и разбудили, пока тот пришел, пока ему все объяснили, в общем, Овчинников к тому времени уже скончался. Вернувшись обратно, санитар сказал: «Готов!» – а врачиха заявила, что Овчинников, наверное, скончался от внутреннего кровотечения.

– То есть эта старая перечница к нему даже не вышла? – недоверчиво спросил Гуров. – Ей оказалось достаточно слов санитаря?

– Вот именно! – ответил опер.

– Ну, и бардак! – помотал головой Лев. – Что дальше?

– Не то слово, товарищ полковник! – очень выразительным тоном согласился с ним опер. – Белов впал в бешенство, бросался с кулаками на санитаря, орал, что это «они» его Володечку убили, что он всю прессу на ноги поднимет, их больницу с грязью смешает и так далее. Кричал, что немедленно поедет с трупом Володечки на Красную площадь, чтобы там утром все могли увидеть, какие в России врачи. Тогда санитар посоветовал врачихе побыстрее труповозку вызвать и сказать, что к их больнице криминальный труп подкинули, вот пусть и заберут его, от греха подальше. А что? Овчинни-

ков же у них ни по каким документам не проходил! Его даже внутрь не занесли. Она и позвонила, а поскольку всю жизнь врачом проработала, то знакомых у нее в этих кругах полным-полно, поэтому ей и пообещали, что машину немедленно вышлют, тем более что бюро судмедэкспертизы совсем недалеко находится. А Белов все орал и орал, пока не нарвался. Санитар кинулся в нему, а он бросился от него бежать по коридору первого этажа, потом по лестнице вверх. Тут даже охранник подключился, чтобы его поймать. Как они потом сказали врачихе, догнали его аж на третьем этаже, пытались скрутить, но он отбивался, орал, кусался. Тогда санитар ему хорошенько врезал, и они вдвоем его все-таки скрутили. Подоспевший врач вколол Белову успокоительное, и санитар с охранником оттащили его в пустую палату, где и заперли. А Овчинникова, видимо, труповозка забрала.

– Что значит, видимо? – поинтересовался Лев. – Они что же, внутрь не входили?

– Врачиха сказала, что никто не заходил. Да и зачем? Документы-то оформлять не надо! Счастливого дежурства пожелать? Так на труповозке сентиментальные люди не работают.

– А «Лексус» Овчинникова мог потом либо санитар, либо охранник оприходовать. А что? Стоит себе эдакий бесхозный красавец, со всеми документами и ключами в замке зажигания. Как тут удержаться? – заметил кто-то. – Кстати, раз там плащ подложен был, может, салон не так уж и испачкан.

Ох, и получают они за это мародерство!

– Что еще по больнице? Что говорила медсестра? Охранник? – продолжал свои расспросы Гуров.

– Медсестра, если и моложе врачихи, то лет на пять, не больше, такая же старая развалина, – начал какой-то опер. – Рассказала практически слово в слово то же, что и врачиха. А охранник, дед глубоко пенсионного возраста, на улицу даже не выходил. Он и за санитаром-то, когда тот за Беловым погнался, потрусил только потому, что это уже в его обязанности входит. – И опер развел руками, показывая, что у него все.

– Тогда давайте по свидетелям, – предложил Гуров. – Белов не в счет, толку от него сейчас никакого. Будем пока обходиться своими силами.

– А нет у нас свидетелей, – вздохнул еще один опер. – Два собачника во дворе со своими питомцами гуляли и неспешную беседу вели, когда их собаки вдруг залаяли и начали с поводков рваться – они же при виде бегущего человека всегда так реагируют. Тут уже и хозяйева его увидели, но ни лица, не одежды рассмотреть не смогли. Бомжи в мусорных баках действительно копались, но от этого увлекательного занятия даже отвлекаться не стали – мало ли почему человек бежит? Подростков во дворе не было – погода не располагала. Обход квартир, где окна во двор выходят, тоже ничего не дал: кто уже спал, кто телевизор смотрел. Если бы во дворе шум был, выстрел, например, то люди обязательно выглянули бы

из любопытства, а его-то как раз и не было. Так что преступник сквозняком промчался через двор и выбежал на другую улицу.

– Что на записях? Есть за что зацепиться? – поинтересовался Лев и предложил: – Давайте все вместе посмотрим запись из ресторана, может, кто-нибудь из вас увидит то же, что и я.

Капитан тут же вставил диск в компьютер, и на мониторе появилась картинка стоянки перед рестораном, где какой-то мужчина действительно менял колесо у машины. Вот вышли Овчинников и Белов, направились к «Лексусу», выскочив из-за другой машины, им дорогу перегородила мужская фигура, почти тут же последовал удар ножом, преступник бросился бежать, Овчинников начал оседать на землю, над ним склонился Белов, буквально через минуту к ним присоединился охранник ресторана. Ну, а дальше было уже неинтересно.

– Верни лицо преступника и максимально укрупни, – попросил Гуров и велел: – Смотрите все, вдруг что-то найдется.

– Ничего это не даст, – грустно проговорил капитан, но все сделал. – Мы уже и так смотрели, и эдак. Судите сами: борода с усами. Так они сейчас есть, а через минуту – уже нет. Шапка низко на глаза надвинута. Стоит он к нам в профиль, лица полностью не видать. Руки в перчатках – если и есть татуировка, ее все равно не разглядишь. А в таких курт-

ках и брюках пол-Москвы ходит. Единственное, что у нас есть, это рост. Он стоял на фоне машины, так что подсчитать несложно – где-то 180–185 сантиметров.

– А что на камерах с той улицы, куда он выбежал?

– Нет его там, мы по два раза все просмотрели. Он же на параллельную улицу через подворотню выходил. Что ему мешало там немного задержаться, усы с бородой отклеить, куртку на другую сторону надеть, а шапку под нее сунуть? Вот вам и никаких следов крови, которые обязательно на куртку попали, когда он нож выдергивал.

– Хорошо, теперь давайте разберемся, что у нас с орудием преступления, – сказал Гуров и, поставив телефон на громкую связь, позвонил в морг: – Марек! Что у нас с Овчинниковым? Меня интересует глубина и форма раневого канала и его угол.

– Лева! Ты будешь смеяться, но у нас такого клиента нет.

– Марек, это не смешная шутка, – заметил Лев.

– Какие могут быть шутки при моей работе? – возмутился Марк. – Я забыл, когда последний раз улыбался! Раз я тебе говорю, что у нас такого клиента нет, значит, нет!

– Напутать ничего не могли? Например, записать не под той фамилией?

– Лева! Кто из нас сыщик? Ты или я? Ищи! Если ты забыл, напоминаю: криминальные везут только к нам. Может, его по дороге потеряли?

Гуров даже не стал отвечать, а просто отключил телефон,

а потом обратился к внимательно прислушивавшимся к его разговору операм:

– Что вы думаете по этому поводу, господа офицеры?

– Есть одно соображение, – сказал какой-то опер. – Уж больно клиент был богатый, а документов на него никаких. Зато при себе небось были и деньги, и документы, и часики не китайского производства, и золотишко, и ключи от дома. Санитары вполне могли его по дороге обчистить, труп в какой-нибудь лесополосе кинуть, и, Вася! Надо бы проверить, не «обнесли» ли еще и его квартиру.

– Вот и займись! Пробей по базе, где он жил, и для начала, чтобы нам опять, высунув язык, не бегать, свяжись с вневедомственной. Квартира у него точно под охраной была, вот и узнай, не проходил ли сигнал тревоги после ноля часов.

Пока опера шустрили, Гуров с тоской думал, что из-за своего неумного любопытства вляпался он всеми конечностями в эту историю, как муха в варенье. Словно мало ему было обычных дел, чего-то особенного захотелось! Тайной, видишь ли, запахло! И выйдет ему эта история таким боком, что мало не покажется!

– Товарищ полковник! – окликнули его, и он оторвался от своих невеселых мыслей. – Не сигналила его квартира, он ее как вчера утром на пульт сдал, так и стоит до сих пор. Может, санитары подумали, что в доме кто-то есть, вот и не рискнули сразу туда соваться, присматриваются пока.

– Есть! – воскликнул другой опер. – Я выяснил! Туда вы-

езжали Калачев и Савин, но никаких данных мне на них не дали.

– Ничего! Сейчас мне дадут! – устало вздохнул Лев и позвонил сам. – Гуров моя фамилия, – сказал он, когда ему ответили.

– О, Лев Иванович! Ты чего это нами заинтересовался? – ответил ему дежурный судмедэксперт. – Мы живых людей не режем, а мертвых – только на законных основаниях.

– Не умеешь – не хохми, не смешно у тебя получается. Учись у Марека! Или это у вас профессиональное? Вы без этого уже не можете? Лучше дай мне все установочные данные на Калачева и Савина.

– А чего они натворили?

– Криминальный труп по дороге потеряли, – объяснил Лев. – И душевно тебя прошу, не говори, что они у начальника в сейфе, а он будет только завтра утром. Я сейчас очень уставший, злой и голодный!

– Ой, как я тебя боюсь, – пробормотал тот, но чем-то зашелестел и сказал: – Пиши!

Лев все записал под диктовку, а потом отдал листок операм со словами:

– Чего сидим? Кого ждем? Быстро по наряду в каждый адрес, и пусть без этих гавриков не возвращаются! Нет дома, значит, должны выяснить, где они, хоть из-под земли выкопать, но сюда доставить! Для непонятливых объясняю: я призывк ночевать дома!

Убедившись, что за санитарам поехали, он вернулся к делам насущным.

– А теперь, господа, давайте подумаем о мотивах. То, что это было не ограбление, и так ясно, а что это может быть еще?

– Товарищ полковник! А вы сами как считаете? – смущенно спросил Саша.

Гуров оторвал от пачки один листок, что-то на нем написал, положил перед собой чистой стороной вверх и для надежности сверху еще и чью-то чашку поставил.

– То, что я думаю, – здесь! – кивнул он на листок. – Меня интересует ваше мнение. Вдруг кто-то думает так же, как и я.

– Месть, конечно, – уверенно произнес капитан, и все остальные согласно покивали. – Потерпевший у нас адвокат. Предположим, он не смог кого-то вытащить или скостить срок так, как его подзащитный рассчитывал. Вот тот и затаил на него злобу, которую все годы отсидки копил и лелеял. А тут вышел, нашел Овчинникова и свел с ним счета.

– Это на поверхности, а что еще может быть? – настаивал Гуров.

Все напряженно думали, переглядывались, перешептывались, а потом капитан сказал:

– У нас других версий нет. А вот Сашка, дай ему волю, вам сейчас такого навывдумывает, что ум за разум зайдет. – И кивнул в сторону молоденького опера, все время восхищенно смотревшего на Льва большими голубыми глазами. – Ему

бы, по-хорошему, детективы писать, а не у нас работать. И денег было бы больше, и слава какая-никакая.

– Саша! Даю тебе волю и слушаю очень внимательно, – обратился к нему Гуров.

Парень страшно покраснел, уши даже запыльхали, а Лев смотрел на него и видел самого себя в этом возрасте, когда только пришел после института в отдел Турилина. Он вот так же краснел и смущался, да и глаза были такими же, голубыми и наивными, только вот не смотрел он ни на кого с таким восхищением, потому что у него пример отца был перед глазами, а вот Сашку, видимо, одна мать воспитывала, вот он и ищет «сделать бы жизнь с кого». Саша еще немного помялся, а потом все-таки начал:

– Товарищ полковник, это очень странное преступление.

– Согласен, в нем много непонятого, – кивнул Лев.

– Вот это нападение. Оно же глупое, как не знаю что.

Предположим, что нападавший – отсидевший преступник, который решил отомстить. Раз он выследил Овчинникова, то зачем было нападать возле ресторана, вход в который, естественно, оборудован камерой наблюдения? Он мог бы подкараулить адвоката где-нибудь в другом месте, причем тогда, когда тот будет один. Например, назначить ему встречу, назвавшись другим именем. Далее. Охрана в самом ресторане – это раз, кто-то из гостей мог приехать с охраной, которая хозяина на улице в машине ждет, – это два, люди постоянно входят и выходят – это три, кто-то, владеющий каким-ни-

будь видом борьбы, так что нож для него не угроза, мог попытаться задержать нападавшего – это четыре. Можно еще продолжать, но, думаю, и этого хватит. Кроме того, раз нападавший выследил адвоката, значит, знал, что это его машина, то есть за руль сядет именно он. Зачем же было преграждать путь и Овчинникову, и Белову, если можно было затаиться возле двери водителя и ждать там? Зачем показывать свое лицо Белову? Для чего это демонстративное нападение прямо под запись? Теперь о Белове. Ну, здесь всем уже понятно, что они были любовниками. По идее, такой тип, как Белов, должен был испугаться насмерть, а он не растерялся, наоборот, очень трезво мыслил и четко действовал. Быстро увез Овчинникова с места происшествия, хотя логичнее было бы дожидаться приезда «Скорой помощи» – мало ли что у адвоката было повреждено? А он не побоялся его поднимать и ворочать. Зачем он плащ постелил на сиденье? Для мягкости? Нет. Чтобы его не испачкать кровью? Но думать в такую минуту о подобных вещах – противоестественно, тем более что машина не его. Теперь о больнице. Я посмотрел по карте, до «склифа», где блестящие специалисты, было бы ненамного дольше ехать, почему же он направился именно в эту небольшую районную больницу, где нет дежурного оперирующего хирурга – это я в приемном покое у медсестер выяснил. Там только дежурный врач в приемном покое и в отделениях. Туда даже травму никогда не возят, потому что специалистов нет. Получается, что он вез Овчинникова на

верную смерть? Зачем же тогда в приемном отделении истерил? Ведь он же практически спровоцировал санитаров на возню с собой, а длилась она, судя по всему, долго. А может быть, он просто время тянул, отвлекая всех на себя? А что происходило в это время во дворе возле машины, мы теперь никогда не узнаем – камера-то не работает.

– Твои выводы? – потребовал Лев.

– Это была очень хорошо продуманная операция, – ответил Саша. – Все было рассчитано по минутам. Я думаю, что колесо на другой машине не случайно оказалось проколотым. Наверное, человек в этой машине следил за Овчинниковым, и тот об этом знал. Если поговорить с официантом, который обслуживал столик адвоката и Белова, и посетителями, сидевшими недалеко, то не исключено, что прямо перед уходом Овчинникова или Белова кому-то из них был звонок на мобильный – это сообщник им сказал, что можно выходить, потому что машина преследователя выведена из строя. Можно также предположить, что обычно адвокат с другом засиживались в ресторане гораздо позднее, поэтому преследователь и решил, что у него есть время поставить запаску. Будь иначе, он бы оставил свою машину на стоянке и вызвал такси, чтобы ждать их выхода уже в этой машине. И больница была выбрана не случайно, они заранее знали, кто в этот день будет дежурить. Остается открытым вопрос с санитаром, но, скорее всего, ему просто заплатили.

– Почему же тогда они окончательно не запутали следы?

Зачем Белову надо было говорить, куда именно он повезет раненого? – уточнил Гуров.

– Для того, чтобы кто-то мог подтвердить факт смерти Овчинникова, тем более что бюро судмедэкспертизы находится совсем рядом, и труп быстро забрали. Выходит, что Овчинников жив. Он переоделся в чистую одежду и уехал на своей машине, а испачканные вещи где-то по дороге выкинул. Ему нужна была эта ночь для того, чтобы, предположим, вылететь за границу по другим документам. Машина, скорее всего, находится на стоянке возле какого-нибудь международного аэропорта, но не исключен вариант, что это отвлекающий маневр, а сам он по какой-то причине остался в России. Белова мы в больнице больше не найдем. Зачем им понадобилась эта мистификация, пока не ясно. Но какой-то труп возле больницы все-таки был, потому что иначе санитары зашли бы, чтобы поскандальить из-за ложного вызова. Вероятно, это был бомж без документов, которого привезли в машине Овчинникова, поэтому его и не зарегистрировали под этой фамилией.

– Это легко проверить. Кто-нибудь, позвоните в больницу и поинтересуйтесь самочувствием Белова, типа, мы его допросить хотим, – приказал Гуров. – А еще обзвоните международные аэропорты, пусть глянут на стоянках, нет ли там машины Овчинникова.

Опера опять засуетились и... Да! Саша оказался прав! Белов из больницы сбежал! Через некоторое время выяс-

нилось, что «Лексус» Овчинникова находится на стоянке в «Шереметьево».

– Товарищ полковник! – растерянно проговорил капитан. – Получается, что Сашка все правильно сказал? – Гуров кивнул. – А что вы сами на листке написали?

– Посмотрите, – разрешил Лев.

Капитан достал из-под чашки листок и вслух прочел только одно слово: «побег». В комнате установилась полная тишина, и все с изумлением смотрели на парня, над которым привыкли беззлобно, а может, и не только, подшучивать. А тот, оказавшись в центре всеобщего внимания, стоял смущенный, красный как рак и не решался поднять глаза.

– Саша, ты умеешь читать мысли? – спросил Лев, и тот посмотрел на Гурова умоляющим взглядом, в котором читалась просьба не добивать его окончательно. – Как тебя полностью?

– Лейтенант Александр Васильевич Вилков, – четко ответил парень.

– Так вот, Александр Васильевич! Я согласен почти с каждым твоим словом. Почти! – подчеркнул Гуров. – Просто в некоторых вопросах у тебя еще опыта маловато, но это дело наживное. А то, что смущаешься и краснеешь, так это с годами пройдет. Теперь уже никто не поверит, но я сам был таким же. – Он подошел к нему, пожал руку, а потом не выдержал и поцеловал в лоб. – Знаешь, Саша, я уже давно мог бы быть генералом, но мне это неинтересно. Если уж отвечать,

то за свои ошибки, а не за чужие грехи на коврах отдуваться. А вот ты со временем им точно станешь! – И, обращаясь уже ко всем, добавил: – Дело закрыто! Хотя оно, по большому счету, и не открывалось. Но, если возникнет необходимость отписываться, вы уже все знаете. Санитаров, на всякий случай, все-таки допросите, но я уверен, что труп возле больницы действительно был, не исключаю, что несвежий. Честь имею, господа офицеры!

Гуров ушел, а оставшиеся сидели, потрясенно глядя на Сашу, который забился в угол и тяжело вздыхал, предчувствуя, что насмешек теперь будет еще больше. Хорошо, если «генералом» не станут звать.

На следующий день Гуров уже специально посмотрел по телевизору новости и, услышав, что подвергшийся накануне нападения адвокат Овчинников находится сейчас в отделении реанимации госпиталя Бурденко, только хмыкнул – другого он и не ожидал. Приехав на работу, Лев сразу пошел к Орлову, где застал и Крячко, причем оба смотрели на него, мягко говоря, крайне неодобрительно, и с порога спросил:

– Разрешите доложить?

– Я уже в курсе – начальник райуправления отзвонился. А вот тебя начальник Главка ждет. Одного! – подчеркнул Петр. – И причины мне неведомы. Скажи, что ты еще успел натворить, чтобы мы хоть в курсе были, чего нам самим ждать.

«Ну, вот и началось! – невесело подумал Гуров. – Оперативно, однако!» – а вслух жестко сказал:

– Вы ничего не знаете! Совсем ничего! А за свои «косяки» я уж как-нибудь сам отвечу!

Оставив куртку в своем кабинете, Лев пошел в кабинет начальника Главка, который располагался на следующем этаже. Как когда-то выразился один неглупый человек: «Новая метла приводит с собой новые веники», вот и начальник Главка был таким «веником», причем провинциального кустарного производства. Работал он у них недавно, ничем выдающимся себя пока не зарекомендовал, но те, кто уже успел с ним пообщаться, отзывались о нем, как о человеке сером и недалеком.

Едва Гуров успел в приемной назвать себя новой секретарше, как был тут же допущен в кабинет, где не без интереса стал рассматривать его хозяина, и пришел к выводу, что тот действительно классический «веник». А вот «веник», поскольку слышал о Гурове только краем уха и никогда раньше не сталкивался, тут же зашел не с той карты, то есть начал орать, чего люди, хорошо знавшие Льва, никогда себе не позволили бы.

– Гуров! Ты что себе позволяешь? Ты что о себе возмнил? Лучший из лучших, блин! Ты какого черта полез к Овчинникову? – надрывался он. – Спецслужбы несколько лет проводят секретную операцию, а ты одним махом все разрушил! Где теперь этого адвоката искать? Чего молчишь?

– Вы мне льстите, господин генерал-лейтенант, – спокойно ответил Лев, который теперь окончательно убедился в своих подозрениях. – Спецслужб Овчинников не боялся, а вот одного меня испугался так, что сбежал без оглядки. Напрасно, не такой уж я и страшный.

– Да как ты смеешь так со мной разговаривать? – взвился тот. – Ты бы лучше о своем будущем подумал!

– Мне подать рапорт об отставке? Я готов!

– Не-е-ет! Ты так легко не отделаешься! Никакой отставки не будет! А будет уголовное дело, суд и зона! На тебя рапортов и докладных столько, что на ПСС Ленина хватит!

– Значит, так тому и быть! – не стал спорить Лев. – Вызывайте наряд! – И поинтересовался: – Мне сдать оружие и документы вам?

– На стол! – заорал генерал, и Гуров, спокойно положив все на стол для заседаний, спросил:

– Мне подождать наряд здесь или в приемной?

– Ты чего из себя героя-одиночку строишь? Думаешь, что дружки твои в стороне останутся? Оба отсюда мухами вылетят! – зловеще пообещал «веник».

– А они здесь совершенно ни при чем, – твердо заявил Гуров. – Это была моя неорганизованная самодеятельность.

– Ну, и зачем мне нужен начальник управления, который не знает, чем в рабочее время занимаются его подчиненные? – усмехнулся тот и нажал кнопку селектора: – Подготовь приказ об отстранении от должности, вплоть до особого

распоряжения, генерал-майора Орлова, с возложением его обязанностей на полковника Шатрова, и полковника Крячко и о возбуждении в отношении Орлова и Крячко служебного расследования.

Услышав это, Гуров взбесился так, что в глазах потемнело, но, взяв себя в руки, ответил:

– Господин генерал-лейтенант! Этим шантажом вы от меня ничего не добьетесь!

– Да на хрен ты мне сдался? – ненатурально рассмеялся тот.

– Вам я действительно не нужен, а тем, кто приказал вам заставить меня заниматься дальше этим делом, я остро необходим, потому что я действительно лучший из лучших, а их спецслужбы жидко обделались. Только шантаж – занятие опасное, как бы вам «обратку» не получить. Да, я могу найти то, что не смогли другие, но не факт, что отдам это заинтересованным лицам. Я не буду использовать это в своекорыстных интересах, а предам, например, огласке. Такой вариант ваши хозяева просчитали? О вас я не говорю, у вас опыта оперативной работы нет, и никогда не было, вы аппаратчик! Будь иначе, вы бы сначала навели обо мне справки и узнали, что на меня ни в коем случае нельзя орать, а тем более давить! Сила противодействия намного превзойдет силу действия!

«Веник» слушал его с открытым ртом, потому что подобной наглости от, казалось бы, припертого к стене человека

никак не ожидал. Вдруг он вздрогнул, и Гуров язвительно поинтересовался:

– Что? Вам кто-то крикнул в ухо, что вы кретин? Или вы думали, что я не замечу «кнопку» в вашем левом ухе? Тогда не надо было этой стороной ко мне поворачиваться! Да кто бы вам разрешил бесконтрольно со мной разговаривать? Те, кто вам приказывает, мне цену знают. А я знаю, кто является или стал мозговым центром этой операции, и хочу ему напомнить слова Талейрана: «Это хуже, чем преступление. Это ошибка». И этот человек ее только что совершил! Видимо, это свидетельство того, что к его мнению больше не прислушиваются, и я ему могу только посочувствовать. Итак! Вернемся к делу! Что от меня хотят? – спросил Гуров, забирая со стола удостоверение и пистолет.

– Чтобы вы подключились к операции, – уже совсем другим тоном проговорил «веник». – Вы поступите в распоряжение...

– Я ни в чье распоряжение поступать не буду! – жестко заявил Лев. – Эти «ложкомой», по моим сведениям, два раза крупно прокололись, сколько было других случаев? Операцией руковожу я, и это не обсуждается! Далее. Вы немедленно отмените свои, мягко говоря, необдуманые распоряжения! При мне! – «Веник» смотрел на Гурова ненавидящим взглядом и явно колебался. – Мне повторить?! – прикрикнул на него Лев.

Тот снова нажал кнопку селектора и сказал:

– Все приказы по Орлову и Крячко отменить! Никакого отстранения и никакого служебного расследования! – А потом сквозь зубы процедил: – Это все?

– Нет! Если я узнаю, что против моих друзей или близких было предпринято хоть малейшее враждебное действие, а я об этом обязательно узнаю, то устрою такое, по сравнению с чем конец света покажется вам детской шалостью. И те, кто меня слышит, знают, что это не пустая угроза с моей стороны. Далее. Я привлекаю к работе лейтенанта Александра Васильевича Вилкова. У парня светлая голова и незамысленный взгляд, но временем не хуже меня станет.

– А вы не слишком высокого мнения о себе? – сдавленным голосом спросил «веник».

– Так что же вы тогда ко мне прицепились? – усмехнулся Гуров. – Чем вам плох тот же Шатров или Богданов? Привлекайте к операции их, и они вам с большим успехом все завалят! Вы хотели лучшего из лучших? Тогда терпите! В управлении я больше не появлюсь. Как со мной связаться, все знают. Пустите за мной «наружку» – я расценю это как проявление недоверия, и тогда пеняйте на себя. У меня все! Честь имею!

Гуров вышел из кабинета, аккуратно закрыв дверь, хотя хотелось хлопнуть изо всех сил. Его трясло от ярости, и он шел к Орлову очень медленно, стараясь по дороге хоть немного успокоиться. С огромным трудом ему это удалось, но обрадовался он рано, потому что уже на подходе к каби-

нету генерала к нему подскочил полковник Шатров, такая гнида, что люди избегали здороваться с ним за руку – не отмоешься потом.

– Ну, Гуров! Не знаю уж, как тебя и благодарить! Вот никогда не думал, что мне это делать придется – ты же меня ненавидишь! А тут удружил! Я и не мечтал, что когда-нибудь кабинет Орлова займу, а ты дружка своего закадычного, видать, так подставил, что он мгновенно освободился! Заходи на чай!

– Рано обрадовался, – сухо ответил ему Лев, ничуть не удивившись – слухи по Главку разносились со сверхзвуковой скоростью. – В обозримом будущем хозяин в кабинете не поменяется.

Войдя к Орлову, он встретил два испепеляющих взгляда. Крячко промолчал, а вот Орлов не выдержал и сказал:

– Долго ты заигрывался, Лева, и вот наконец доигрался!

– Никаких приказов не будет! – сообщил им Гуров. – Меня в управлении – тоже. Сколько? Не знаю! Но после всего, что вам пришлось из-за меня пережить, не думаю, что вы будете этим опечалены. Всего хорошего!

Он вышел, забрал из своего кабинета куртку и поехал домой. Проезжая мимо стоявшего черного «Мерседеса» с тонированными стеклами, Лев даже не подозревал, какие там бушевали страсти. Водитель стоял снаружи, а вот пассажиры: невысокий, худощавый, с обширной лысиной пожилой мужчина и мужчина помоложе, смуглый брюнет с пышной

шевелюрой и жестким волевым лицом, оживленно разговаривали, причем если второй вовсю бушевал, то первый старался его как-то успокоить.

– Нет, он что себе позволяет?! – возмутился брюнет. – Эта сволочь еще и условия диктует! Словно он хозяин положения!

– Каждый человек позволяет себе ровно столько, сколько может, а Гуров может себе это позволить. И сейчас действительно он – хозяин положения. Я вас заранее предупредил, что разговаривать с ним в подобном тоне нельзя. Но вы не прислушались к моему совету и настояли именно на жестких мерах. Что из этого вышло, вы видели. С ним нужно было просто поговорить и попросить о помощи. И он бы обязательно помог.

– Просить?! – возмутился брюнет. – Это не мое! Человек должен чувствовать узду и кнут. Руку хозяина, черт подери, чтобы знал свое место. А этот совершенно неуправляемый.

– Ошибаетесь! – поправил его лысый. – Он управляемый, но управляет собой только сам, руководствуясь собственными представлениями о чести и порядочности. На подлость он не способен, но вот на адекватные ответные меры – вполне.

– Я так не привык! Я должен знать, что держу человека в ежовых рукавицах, что он меня боится, что ему есть что терять, и только тогда я могу быть в нем отчасти уверен. Как я могу верить свою судьбу человеку, который от меня не зависит?

– Но ведь мне же вы вверили? – спросил лысый.

– Вы совсем другое дело, – отмахнулся брюнет. – Вы заинтересованы в том, чтобы все прошло гладко, не меньше, чем я.

– Если вы не верите Гурову, давайте все отменим и положимся на судьбу, – предложил лысый. – Пусть уже известные вам специалисты продолжают искать потихоньку дальше.

– Какая судьба?! – взорвался брюнет. – Если люди хоть что-то узнают, мне конец. И черт с ним, что меня не выберут, но ведь меня проклянут! Весь мой род на веки вечные окажется опозоренным! Кто отдаст своих дочерей за моих сыновей? Кто тогда женится на моих дочерях? Я уже не говорю о том, сколько у меня появится «кровников»! Вам этого не понять! Велик Аллах! Только он знает, сколько денег я уже выбросил на эти поиски, и все без толку!

– Значит, нам остается только верить в талант и порядочность Гурова и надеяться, что удача не отвернется от него и на этот раз.

– А может, нам все-таки как-то нажать на него? – спросил брюнет.

– Он работает даже не с тройной, а с десятерной подстраховкой. На каждый ваш выпад последует ответный удар. Он ведь не зря сказал, что сила его противодействия будет намного превосходить силу воздействия, – напомнил лысый.

– Вы думаете, он действительно понял, что за всеми этими поисками стоите вы?

– Не сомневаюсь! – вздохнул лысый. – У него не голова, а мощнейший компьютер. Он просчитывает ситуацию в доли секунды. А вот мы сработали грубо и топорно! Нельзя было так торопиться! Нужно было подготовиться более тщательно. С этим были согласны все, и только вы один настояли на том, чтобы подстегнуть ситуацию! Может быть, хоть сейчас скажете, почему?

– Свадьба моей дочери через неделю, – буркнул брюнет.

– Вот оно что! Значит, ее не удалось еще раз отложить, – покивал лысый.

– Вы ведь знаете, за кого она выходит замуж?

– Конечно! Шейх из Саудовской Аравии. Не только очень богатый и влиятельный человек, но и пророссийски настроенный. С его помощью мы планируем если не свести к нулю, то хотя бы существенно уменьшить финансирование бандформирований и террористов в нашей стране.

– Для вас важно, что он может сделать для России, а для меня не менее важно, что он холостой! Моя дочь станет у него первой, старшей женой! И именно ее сын будет наследником!

– Но почему не удалось перенести свадьбу?

– Знаете, они говорили со мной таким тоном, что у меня язык не повернулся даже заикнуться об этом. Я и так откладывал ее, сколько мог, но тянуть дальше уже нельзя. Меня даже родные стали спрашивать, не хочу ли я совсем отменить ее, может, у меня появился на примете более выгод-

ный жених? А до этой свадьбы я должен быть уверен, что ничто не омрачит жизнь моей дочери, потому что если вдруг откроется правда, то страшное будущее ждет и ее, и меня! Такого позора они мне не простят! Вам ли не знать законы шариата!

– Ну, в этих вопросах я как раз не большой специалист, но согласен, что последствия могут быть весьма трагичными, – согласился лысый.

– Если вы говорите, что Гуров сможет за неделю найти то, что ваши хваленые специалисты не смогли в течение многих лет, то, Аллах мне свидетель, я, который никогда не молился за неверных... Кроме вашего хозяина, конечно, – тут же добавил он. – Я теперь стану молиться о том, чтобы Аллах послал удачу Гурову.

– Вы даже не можете себе представить, насколько будете в этом не одиноки, – вздохнул лысый.

Брюнет постучал по стеклу, водитель вернулся на место, и машина уехала.

А Гуров, несколько раз проверившись – «наружки» за ним действительно не было, позвонил и назначил встречу одному своему должнику, которому когда-то сдал его «кровника», на редкость подлую личность, которого невозможно было наказать по закону. Гуров никогда об этом не пожалел, а вот на Кавказе такие услуги долго помнят и высоко ценят. За Стаса и Петра он не волновался – они могли за себя по-

стоять, а вот о безопасности Марии нужно было позаботиться. Разговор много времени не занял, и Гуров, уже не один, поехал в театр – у Марии как раз была репетиция. На служебном входе его уже знали и пропустили без звука, хотя он был не один, а вместе с молодым парнем-азербайджанцем. Увидев мужа, Мария удивилась, но прервала репетицию и спустилась к нему в зал.

– Маша, это Гурам, – представил ей своего спутника Лев.

– А ведь я вас уже видела, – всмотревшись в лицо парня, сказала она. – Ну да! Это же вы тогда спасли меня от бандита, который ко мне нож приставил!

– Уважаемая! – широко улыбнулся ей кавказец. – Для настоящего джигита нет большего счастья, чем спасти жизнь красивой женщине!

– У вас еще будет время для светских бесед, – решительно заявил Лев. – Маша! У меня новое задание, которое может быть опасным не только для меня. С этой минуты Гурам – твой водитель и телохранитель. Если потребуется, подключатся еще несколько человек. Может случиться, что тебя спрячут, но в очень надежном и комфортабельном месте. Я хочу, чтобы ты была к этому готова. Сегодня после репетиции ты вернешься домой, соберешь свои вещи и временно будешь жить у себя.

– Почему именно тебе всегда достаются такие задания? – возмутилась Мария.

– Дорогая, – вздохнул Гуров. – Как говорится, мне сдела-

ли предложение, от которого я не могу отказаться.

– А ты не боишься меня оставлять наедине с молодым и красивым мужчиной? – шутливо поинтересовалась она.

– Машенька! Если бы ты хотела мне изменить, то у тебя полный театр молодых и красивых мужчин, так что не говори ерунды, – поморщился Лев.

– Лева, я просто пытаюсь не показать, как мне страшно, – тихо призналась Мария. – Скажи, мы когда-нибудь будем жить спокойно? Как все люди? Тихо и мирно?

– Когда-нибудь – обязательно! Все будет хорошо, родная, – успокоил ее Гуров, поцеловал в щеку и обратился к Гураму: – Я на тебя надеюсь.

– Ни о чем не волнуйтесь, уважаемый! Жена друга – это святое, с ее головы даже волос не упадет! – заверил его кавказец. – Прежде упадет моя голова!

Гуров мог бы ему сказать, что никакой он им не друг, но зачем злить людей, от которых зависит судьба дорогого для тебя человека? Поэтому он просто кивнул и ушел.

Дома, чтобы чем-нибудь занять себя в ожидании звонка – ведь должны же были эти самые спецслужбы как-то с ним связаться, он начал готовить полноценный обед. Повар из него был так себе, но различных пособий в доме было много, да и Интернет выручал. Звонок раздался, как всегда, некстати – Лев как раз резал мясо. Кое-как вытерев руки, он ответил, но это оказался Саша.

– Товарищ полковник! Лейтенант Вилков беспокоит. Мне

сказали, что я поступаю в ваше распоряжение. Это, видимо, ошибка, или надо мной опять подшутили?

– Нет, Саша, это правда, – заверил его Гуров. – Будем работать вместе – уж очень голова у тебя светлая. Ты москвич?

– Нет, из Рязани, здесь в общежитии живу.

– Тогда вот тебе мой первый приказ: езжай в общежитие, собери, что сочтешь нужным – форма не потребуется, и приезжай ко мне домой. Поживешь у меня, потому что работы предстоит непочатый край, и терять время на разъезды неразумно, да и обсудить что-то можно в любой момент.

– А как же ваша семья? Я же мешать буду?

– Жена сегодня переберется к себе и останется там до тех пор, пока мы с тобой с одним делом не разберемся, так что ты никому не помешаешь. Пиши адрес.

«Ну вот и найдется кому оценить мой кулинарный талант, – подумал Лев. – Маша из-за своих диет все равно ничего этого есть не будет», – и продолжил готовить.

Саша приехал первым. Смущенный донельзя, он топтался в прихожей со спортивной сумкой, не зная, куда ее прикнуть, но Лев его быстро привел в чувство:

– Тапочки привез? – Тот с готовностью кивнул. – Тогда надевай, и пошли на кухню, поможешь готовить. Когда жена шкаф разгрузит, повесишь туда свои вещи, а пока туда даже палец не засунешь.

За совместной работой они болтали обо всем понемногу, а когда Саша поинтересовался, в чем будет заключаться их

задание, Лев отшутился:

– Карту пиратских сокровищ искать будем. – А потом уже серьезно добавил: – Вот появится один человек и введет нас в курс дела, а пока нечего себе голову ломать.

Мария появилась, когда на кухне вовсю шипело, шкворчало и булькало, распространяя по квартире умопомрачительные запахи. Следом за ней в квартиру вошел нагруженный сумками с покупками Гурам.

– Холодильник-то у меня там пустой, да и сюда кое-что подкупить надо было, вот и воспользовалась случаем, что есть кому тяжести таскать, – объяснила она.

– Гурам! А о том, что у телохранителя руки должны быть свободны, тебе слышать доводилось? – строго спросил Лев.

– Зачем обижаете, уважаемый? – воскликнул тот.

Сумки мгновенно упали на пол, а в его руке в считанные доли секунды появился пистолет.

– Оценил, – только и сказал на это Гуров.

Мария же, пройдя на кухню, уставилась на Сашу и удивленно спросила:

– Ребенок, ты кто?

– Маша! Это не ребенок, а лейтенант полиции Вилков Александр Васильевич. Мы будем работать вместе, и он здесь временно поживет, – объяснил Лев.

– А Стас? – удивленно спросила она.

– У него другое задание, – соврал Гуров. – Саша, это моя жена, актриса Мария Строева.

– Я сразу узнал, – глядя на нее, как на икону, ответил парень. – Только я отчества не знаю.

– Я еще недостаточно стара, чтобы ко мне обращались по отчеству, – заявила Маша, мгновенно устраивая театр одного актера. – Зови Марией! А если хоть раз скажешь «тетя Маша», убью!

– Садитесь, Мария! Уже почти все готово, – пригласил ее к столу парень.

– Ребенок! Если я буду есть такие вещи, то очень скоро скачусь до ролей старых толстух! А я – героиня! – продолжила она играть. – Гурам! Давай сюда сумки! Это вам, чтобы с голоду не умерли! Ребенок! Займись! А я пока буду собирать вещи! – И, повернувшись к мужу, попросила: – Лева! Помоги!

Едва они вышли в зал, как она тут же схватила Гурова за руку, затащила в спальню и потрясенно прошептала:

– Лева! Это твой сын?

Гуров с трудом вернул на место упавшую челюсть, похватал ртом воздух, а потом покрутил пальцем у виска:

– Маша! Ты с ума сошла? У меня нет детей!

– Лева! Не ври! Он твоя точная копия! – настаивала Мария.

– Только что глаза голубые, вот и все сходство, – обалдело ответил Лев.

– Я актриса, ты не забыл? У меня глаз наметанный! Я такие вещи с ходу определяю! – жарко шептала она.

– Маша! Он мне не сын! – придя в себя, твердо заявил Лев. – Да что мне, поклясться, что ли?

– Ну, ладно! Не хочешь – не говори! – обиженно проговорила она и добавила, окончательно добив мужа: – Только учти, что он мне тогда тоже не чужой!

Отвернувшись от него и сердито сопя, Мария начала паковать вещи, а Лев достал ей из шкафа два чемодана и, потоптавшись без дела, потому что она решительно не обращала на него никакого внимания, вернулся на кухню. А там Гурам уже отдавал должное их кулинарным шедеврам, приговаривая:

– Ах, хорошо! Ах, мастер готовил! Молодец, сынок! – хотя сам был немного старше парня.

– Это не я, это товарищ полковник готовил! – краснел Саша. – Я только помогал!

– Что ты меня все время «товарищем полковником» зовешь? – возмутился Гуров. – Обращайся по имени-отчеству!

– Хорошо, Лев Иванович.

Гуров сел рядом с кавказцем, чтобы быть напротив Саша, который тут же налил ему борщ, пододвинул тарелку с нарезанной зеленью и сметану, а потом стал есть сам. Лев не столько ел, сколько смотрел на Сашу и пытался найти в нем то сходство с собой, которое разглядела Мария, но сколько ни старался, так и не смог, хотя уж у него-то взгляд был куда острее, чем у жены. Но вот и она появилась и, сев к столу, решительно заявила:

– Ребенок! Ты змей-искуситель! Ладно! Один раз можно! Наливай и мне борща!

Съев первое, перешли ко второму, потом к чаю, и все это время за столом царила Мария. Она окончательно очаровала Сашу – а уж это она умела! – и совсем было принялась ненавязчиво выпрашивать парня о его семье, когда зазвонил телефон.

– Лев Иванович! Вы сказали, что все знают, как с вами связаться, вот я и звоню. Но у вас, как я понял, гости? – спросил его незнакомый голос.

– Они уже уходят, – заверил его Гуров. – Видимо, вы находитесь возле моего дома?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.